ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 17 (3046) | Суббота, 7 февраля 1953 г. | Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Скоро выборы!

Вечер. Один из домов квартала особенно ярко освещен. По фасаду протянуты припорошенные морозом кумачовые лозунги и транспаранты. А внутри, в одной из комнат, люди, усевшись в кружок, слушают беседу о великих стройках коммунизма... Это — агитпункт. Тысячи таких пунктов, центров агитации действуют в эти предвыборные дни, в городах и селах Советской страны. Агитаторы идут и на дом к избирателям, там в непринужденной и дружеской обстановке ведут неторопливую беседу о событиях в стране и за ее рубежами, о решениях XIX съезда партии и задачах советских людей.

В разгаре предвыборная кампания. В феврале — марте предстоят выборы в местные Советы депутатов трудящихся. Более полутора миллионов депутатов будет избрано в Советы — самые многочисленные и наиболее массовые органы власти нашей страны. Полтора миллиона государственных деятелей, облеченных высоким доверием народа!

Более десяти миллионов агитаторов, пропагандистов и других активистов заняты на избирательных участках; около семи миллионов человек работают в составе избирательных комиссий. Вот какая масса советских людей приобщена к проведению избирательной кампании, к активной общественной деятельности!

Подготовка к выборам в местные Советы — ярчайшее проявление самой передовой в мире, подлинно народной, советской социалистической демократии.

Работа агитатора почетна и интересна. Говоря с народом от имени партии коммунистов, он несет в массы живое слово правды, разъясняет великие принципы Сталинской Конституции, политику партии и Советского государства. Он беседует по душам о делах семейных, бытовых, о жизни, учебе, воспитании детей... Агитация наша, идейная и целеустремленная, всегда должна быть конкретной. Общегосударственные задачи агитатор увязывает с конкретными задачами рабочего коллектива или данной группы избирателей. Всей своей работой агитатор воспитывает у людей высокую политическую бдительность, поднимает гражданскую активность, вооружает идейно, зовет на борьбу с недостатками, воодушевляет на новые успехи во всех областях коммунистического строительства.

Удачно проведенная беседа, сознание контакта между тобой, агитатором, и избирателями приносит большое удовлетворение. Важно только не допускать шаблона в агитационной работе, вести ее творчески, с огоньком, энергично использовать все ее действенные формы. И тут верным помощником активиста может служить хорошая, умная книга. Проиллюстрировать беседу стихами, прочитать вслух отрывок из книги — это значит сделать разговор с людьми более доходчивым, действенным. Кстати говоря, и для писателя, который стремится глубже изучить жизнь, агитационная работа — отличная школа. Живое общение с избирателями, несомненно, обогатит литераторов, принесет их творчеству ощутимую пользу.

Сейчас, после того как кандидаты в депутаты местных Советов зарегистрированы окружными избирательными комиссиями, началась агитация за их избрание. Агитировать за кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных — это значит, прежде всего, рассказать избирателям о его жизни, труде, общественной деятельности. И это будет рассказ о жизни, росте всех наших людей. Ибо в простой биографии настоящего советского человека, как солнце в капле воды, отражается картина роста миллионов наших людей, судьба которых неразрывно связана с Родиной, с ростом ее могущества.

Агитировать за хорошего, правильного человека — почетно и приятно. А ведь именно такие люди и являются кандидатами сталинского блока. Других народ не выдвинет. Человеку, который свернул с верного пути, который стал финтить, — такому человеку нет у нас доверия! Наш советский депутат не болтовней и демагогией, не красным словцом и посулами, а делом, трудом на благо общества завоевал право быть народным избранником, слугой народа.

Посмотрите списки кандидатов в депутаты Советов, публикуемые в местных газетах. Сухой перечень фамилий, имен и профессий на самом деле очень многозначителен. Он свидетельствует о гигантской воспитательной работе партии коммунистов, поднявшей к общественной и государственной деятельности миллионы рабочих, крестьян и интелигентов. Он свидетельствует о поистине неограниченных возможностях для расцвета индивидуальности человека, открытых советским строем.

Вот списки кандидатов в депутаты Рижского областного Совета, напечатанные в газете «Советская Латвия»: трактористка Мильда Гинтауте и врач Мария Кучкова, рыбак Август Прокопович и учительница Мирдза Приецпня, композитор Янис Озолинь и ткачиха Эрика Кокарс... Лучшие стахановцы, руководители предприятий и колхозов, партийные и общественные деятели, представители интеллигенции. В их числе — писатели Вилис Лацис, Анна Броделе... В их числе — сельский библиотекарь Ольга Барис, выдвинутая колхозниками сельхозартели «Лежурга» и механизаторами Видрижской МТС. В данном случае, кроме признания выдающихся личных качеств кандидата в депутаты, сказалась, думается нам, большая любовь народа к книге, равно как выдвижение многих советских писателей кандидатами в депутаты местных Советов есть признание большой воспитательной роли советской литературы, знак уважения народа к «инженерам человеческих душ».

Повсеместно проходят сейчас встречи избирателей с кандидатами в депутаты. Это важный этап предвыборной кампании. И дело не только в личном знакомстве избирателей с их будущим избранником, дело в том, что на встречах обычно завязывается деловой разговор. Избиратели вносят конкретные предложения, высказывают критические замечания о работе Совета, формулируют наказы, которые должен выполнить будущий депутат.

Избиратели требуют, чтобы он неуклонно и последовательно проводил в жизнь политику Коммунистической партии и Советского государства, чтобы был всегда чутким к людям, всегда внимательным к их нуждам и запросам, вне зависимости от масштабов этих запросов, от того, касаются ли они дел государственных или личных. Избиратели требуют от своего кандидата в депутаты, чтобы он был, как говорил Киров, «живым коммунистическим борцом», чтобы непримиримо ополчался против всех недостатков, которые тормозят наше движение вперед. Избиратели, народ требуют от кандидатов в депутаты, чтобы они были деятелями ленинско-сталинского типа и никогда не опускались до уровня политических обывателей.

Критика и предложения, выдвинутые в ходе избирательной кампании, продиктованы заботой о благе каждого советского человека, всего нашего народа, нашего родного государства. Избиратели хотят, чтобы будущие депутаты всегда помнили задачу, поставленную XIX съездом партии: на основе непрерывного развития всего народного хозяйства обеспечить дальнейшее неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни советских людей.

Скоро выборы! Как и всегда у нас в стране, Коммунистическая партия идет на выборы в блоке, в тесном союзе с беспартийными. Блок коммунистов и беспартийных является естественным и жизненным делом. Его нерушимая крепость многократно проверена на разных этапах строительства коммунизма. Беспартийные объединены с коммунистами в один общий коллектив советских людей. **«Живя в общем коллективе,** — указывал товарищ Сталин в своей исторической речи на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 года, — **они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь на фронтах во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковали победу над врагами нашей страны».**

Сталинский блок коммунистов и беспартийных одержит новую победу на предстоящих выборах. Идя навстречу выборам, советские люди вновь демонстрируют всему свету свое монолитное единство, свою сплоченность вокруг Коммунистической партии, свою любовь и преданность товарищу Сталину.

ЗАМЕТКИ О ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ОБУЧЕНИИ

Помнить об опыте учителя

Вряд ли надо теперь кого-то убеждать в том, что политехническое обучение — важное дело. Это понимают все: и учителя, и родители, и самые широкие круги советской общественности. Решения XIX съезда партии, указание товарища Сталина в его гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» о роли политехнического обучения в воспитании коммунистической личности нашли самый горячий отклик не только в школах, но и на заводах, в колхозах, в самых различных организациях. Партийные органы и редакции газет созывают совещания учителей. Заводы и колхозы берут шефство над школами, создают для учащихся мастерские и агроботанические участки. Институты оборудуют в школах физические и химические кабинеты. Многие школы уже почувствовали живую помощь общественности. Можно не сомневаться, что она будет расти день ото дня.

1. И вот на фоне этой помощи, которая еще раз показывает, как близки решения партии интересам и чаяниям народа, с особой отчетливостью видно отставание Академии педагогических наук и Министерства просвещения РСФСР от задач, поставленных перед ними самой жизнью. Эти авторитетные учреждения не дали ответа ни на один из основных вопросов политехнического обучения.

Скажем, такой вопрос: как осуществлять политехническое обучение на самом уроке, который, как известно, является основной формой учебной работы? В Академии педагогических наук не найти сейчас человека, который дал бы на этот вопрос более или менее ясный ответ. Дебаты идут, как правило, о формах внеклассной работы, но ведь главное — это работа в классе, урок.

Или споры о том, какой объем политехнических знаний должна давать школа, как вести политехническое обучение — по отдельным предметам или в виде самостоятельного курса?

По этим и многим другим вопросам Академия педагогических наук могла бы уже посоветовать немало ценного широким кругам работников школ. Но этих советов нет.

Между тем школы не могут и не хотят ждать, пока деятели педагогической науки перейдут от общих деклараций о роли политехнического обучения к конкретным деловым советам о том, что же делать сегодня. Они на собственный страх и риск начинают искать новые формы обучения, пути и средства сближения с жизнью. Правда, эта работа носит «стихийный» характер, но от этого она не перестает быть ценной и интересной. Мы уже не говорим о том, что ряд учителей в Москве и других городах в течение многих лет по собственной инициативе внедряют в обучение отдельные элементы политехнизма и накопили опыт, заслуживающий серьезного внимания.

Как же относятся к этому опыту, к этой «стихийной» работе в школах Академия и Министерство?

В последнее время это отношение, на наш взгляд, характеризуется какой-то боязнью учительской инициативы. На семинарах в Московском институте усовершенствования учителей, на различных совещаниях в Министерстве просвещения и в Академии педагогических наук учителей усиленно убеждают: «побольше осторожности», «не увлекайтесь», «не спешите» и еще раз — «побольше осторожности». Эти увещевания слышали мы от начальника управления школ Министерства тов. Наумова, от городского методиста по физике тов. Кравченко и других. Наиболее откровенные из них высказываются еще определенней: «ничего нового, товарищи!».

Разумеется, поспешность в решении важных вопросов педагогики опасна и вредна. Но не менее опасна и другая крайность.

По нашему мнению, боязнь учительской инициативы объясняется тем, что руководители Академии педагогических наук и Министерства просвещения РСФСР никогда по-настоящему не интересовались опытом учителей в области политехнического обучения и не знают этого опыта: не знают, что в нем ценно, а что ошибочно.

Безразличное отношение Академии педагогических наук и органов народного образования к опыту учителей, внедряющих отдельные элементы политехнизма, — не случайно. Это отношение складывалось в течение многих лет и в настоящее время, как нам думается, выросло в серьезную опасность.

Существует ли вообще творческая связь между Академией и школьными работниками? По форме — да. Академия ежегодно организует «Педагогические чтения», имеет ряд базовых школ. Но если посмотреть глубже, то настоящей, широкой и действенной связи между Академией и учителями нет. И с особой силой это выявилось сейчас. Характерно, что после опубликования директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану в Академии не был серьезно поставлен вопрос об изучении уже имеющегося опыта школ в деле политехнического обучения. Видимо, работники Академии избрали другой путь: «Пусть учителя работают по-старому и терпеливо ожидают результатов наших теоретических изысканий на тему — что же такое политехническое обучение сегодня».

Мы считаем, что эти теоретические изыскания не дадут положительных результатов до тех пор, пока Академия и Министерство не обратятся к изучению и обобщению опыта школ. Многие вопросы были бы, вероятно, более ясны, если бы наша педагогическая наука постаралась творчески осмыслить достижения учителей в области внедрения отдельных элементов политехнического обучения, если бы она больше интересовалась мыслями и пожеланиями учительства, если бы делала глубокие выводы из его опыта.

2. В деятельности многих учителей мы находим **ценные крупицы опыта политехнического обучения.** Мы говорим — крупицы, потому что частные удачи педагогов сами по себе не решают успеха дела. Но мы убеждены, что, если эти достижения тщательно собрать и обобщить, они составят немалый вклад в современную науку о политехническом обучении.

Мы должны воспитывать людей, которые вырастут завтра в новаторов социалистической индустрии и сельского хозяйства. В этом одна из наиболее почетных и ответственных задач политехнического образования. Чтобы ее осуществить, надо умело воспитывать в школе у юношей и девушек вкус к творчеству, к дерзанию, к большому самостоятельному труду.

Упомянем в этой связи о деятельности нашего товарища, учителя физики 588-й московской мужской школы тов. Дмитриева. (Не сомневаемся, что элементы полезного опыта содержатся и в работе многих других учителей, имена которых нам, к сожалению, неизвестны. Ведь никто не популяризирует их опыта!). Дмитриев раскрывает перед школьниками сущность новаторских открытий в науке и технике, обращая особое внимание на то, как трудны и увлекательны были творческие поиски нужного решения вопроса. Нередко знакомство юношей с последними работами стахановцев и инженеров носит весьма деловой характер. Для этой цели Дмитриев использует экскурсии на заводы. Этой же основной цели — воспитанию у юношей вкуса к самостоятельному творчеству — подчинена и методика лабораторных работ.

Многие учителя настойчиво искали и ищут пути сближения школы с жизнью. Особенно интересен вопрос, как осуществлять это сближение на самом уроке? И тут имеются ценные крупицы опыта. Начиная с седьмого класса, ученики 401-й московской мужской школы ведут тетради — «Новое в науке и технике». Сюда они записывают выдержки из научных и технических статей, публикуемых в нашей печати. Вот содержание одной тетради: «Шагающий экскаватор», «Землесосный снаряд», «Гиганты самосвалы», «Контролер-автомат», «Дублирование фильма», «Трактор-малютка», «Новые сельскохозяйственные удобрения» и т. д. Эти записи читаются в классе и служат яркой иллюстрацией к теме урока — иллюстрацией, которая не только делает более понятным действие того или иного закона физики, но и как бы раздвигает стены школы, показывая юношам кусок многогранной жизни.

Наряду с широким кругом интересов и, быть может, именно благодаря этому почти каждый ученик 10-го класса этой школы имеет какую-то одну особо волнующую его тему, которую он разрабатывает под руководством учителей. На эту тему юноша пишет доклад и выступает с ним в классе.

Или возьмем такой вопрос — как лучше завязать тесные дружественные связи между школой и заводом? Тысячи наших школ расположены в заводских поселках, для них умелое решение этого вопроса чрезвычайно важно. И не только для школ, но и для заводов, потому что сегодняшние учащиеся станут завтра рабочими и мастерами, и надо, чтобы они вошли в цехи уверенно и радостно, как входят в родной дом. Нам известен поучительный опыт плодотворных взаимоотношений между 371-й московской женской школой и находящимся поблизости механическим заводом. Благодаря частым посещениям цехов, встречам со стахановцами, инженерами, ученицы старших классов хорошо знают не только существующую на заводе технологию, но и организацию труда и новаторские методы работы. Если на заводе устанавливают новое, более совершенное оборудование, школа живет этим событием. И не удивительно, что многие из девушек, которые лишь полгода назад окончили эту школу, стали уже стахановками.

Тысячи учителей думают сейчас над тем, как разумнее оборудовать мастерские для учащихся, какие трудовые навыки и умения надо воспитывать в этих мастерских. И в этой области политехнизма ряд московских школ, например 50-я и 273-я, имеет опыт, который надо тщательно изучить.

Нам не известен тот, без сомнения, поучительный опыт по сближению школы с жизнью, которым обладают тысячи учителей, работающих в разных концах Советского Союза. Не известен он и руководителям Министерства просвещения и Академии педагогических наук. Нельзя мириться с тем, что зерна этого живого опыта вместо того, чтобы дать богатые всходы, остаются втуне!

3. **Удачи и достижения отдельных педагогов в области политехнического обучения необходимо изучать и обобщать.** Однако ценность учительского опыта — не только в этом. Вопрос надо ставить шире. Нам думается, что глубоко заблуждаются те товарищи, которые полагают, что можно осуществить политехническое обучение, создав в школе мастерскую, или поведя учащихся на экскурсию, или расширив лабораторные работы... Если даже сочетать некоторые из этих мероприятий, — что вообще очень ценно, — то и это отнюдь не будет решением вопроса. Мы убеждены, что политехнизм нельзя ввести в школу, как какое-то изолированное мероприятие, механически входящее в существующий учебно-педагогический процесс. Нет! Политехническое обучение требует серьезного пересмотра самого этого процесса. Поэтому учительский опыт надо рассматривать не только с той точки зрения, какие в нем имеются элементы политехнизма, — главная ценность этого опыта состоит, на наш взгляд, в том, что он подсказывает пути, по которым должен итти пересмотр учебно-педагогического процесса.

Основа основ в жизни школы — учебные программы. Сейчас они не только оторваны от жизни, но и настолько перегружены «академическим», порой лишним материалом, что, можно сказать, «физически» не оставляют места для политехнизма. В одном из последних методических писем Министерство и Академия напомнили нам о том, что у учащихся надо воспитывать трудовые навыки и умения. Разумеется, надо воспитывать! Но когда? Действующие сейчас программы по физике и химии настолько перегружены, что мы с большим трудом укладываем теоретический материал в отведенные нам часы. По сути дела, мы имеем время лишь на то, чтобы изложить теорию. Да и то — чего греха таить — иногда и на теорию-то не хватает драгоценных часов! А воспитание трудовых навыков и умений, расширение лабораторных работ требует времени и времени. Ныне его у нас нет. Вот и получается «словесный политехнизм».

С вопросом о программах связан также один из серьезных вопросов политехнического образования — о том, как согласовать деятельность учителей. Мы убеждены в том, что работа школы должна быть построена таким образом, чтобы все учителя — и физики, и химии, и литературы, и Конституции СССР, и географии — в тесном содружестве добивались всестороннего развития нового человека. Повторяем — в тесном содружестве!

Но сейчас учебные программы не только не помогают, а наоборот, иногда мешают согласованной работе преподавателей. Скажем, по курсу физики тема «Электрометаллургия», в которой излагается процесс получения алюминия, изучается в 10-м классе за три с половиной месяца до того, как ученики знакомятся по курсу химии с темой «Алюминий и его соединения», где содержится теоретическое обоснование этого вопроса. Ту же картину разрыва во времени между родственными, дополняющими друг друга темами можно увидеть и в программах восьмого класса по физике и математике. Пора серьезно подумать над тем, как, не нарушая логики развития самих наук, ликвидировать подобные несоответствия, которых, к сожалению, немало.

Итак, на наш взгляд, для того, чтобы по-настоящему осуществить политехническое обучение, нужно решительно изменить учебные программы. Не накладывать на них очередную заплату, как это, к сожалению, делается из года в год, а именно изменить.

Этот первый, основной вывод из нашего учительского опыта хочется тут же дополнить вторым выводом. **Как бы хорошо ни были составлены новые учебные программы, они полностью не решат успеха дела до тех пор, пока в школах не будет создана для политехнического обучения материальная база, пока химические и физические кабинеты не будут оснащены современным оборудованием.**

Еще бытует, к сожалению, среди работников народного образования версия о том, что политехнизм может отрицательно повлиять на усвоение школьниками теоретических основ науки. Правда, опасения эти высказываются сейчас в очень осторожной форме, но тем не менее нельзя оставлять их без внимания. Например, газета «Уральский рабочий» 29 ноября прошлого года опубликовала материалы совещания, созванного редакцией по вопросам политехнического обучения. На этом совещании директор Свердловского городского института усовершенствования учителей тов. Нелюбин заявил следующее: «В проведении политехнического обучения могут быть увлечения техникой, так сказать, техницизмом(?!). А этого необходимо избежать».

А почему увлечения техникой надо избегать? Мы живем в эпоху, когда первоклассная советская техника вошла во все области жизни и деятельности нашего народа. Огромен интерес нашей молодежи к достижениям отечественной техники, к перспективам ее дальнейшего развития.

Мы за увлечение техникой! Но, к сожалению, до сих пор ни Академия педагогических наук, ни Министерство просвещения не сделали ничего для того, чтобы помочь учителям удовлетворить интерес школьников к технике наших дней. Рассмотрим перечень лабораторного оборудования, разработанный Академией и утвержденный Министерством, как обязательный для средних школ. Мы не найдем в нем ни технических электроизмерительных приборов, ни микрометров и штангенциркулей, ни электромоторов и динамо переменного тока, ни люксметров и т. д. Но даже и то, что содержится в этом, весьма далеком от задач политехнического образования перечне, отсутствует во многих школах. Магазины не обеспечивают нас самыми необходимыми аппаратами и материалами, и часто учителя бывают вынуждены пользоваться примитивными самоделками. А между тем первые впечатления о технике наших дней учащиеся получают в физическом и химическом кабинетах, оборудование которых должно отражать высокую культуру советской индустрии.

Мы уверены, что сейчас, в эти дни, десятки тысяч советских учителей думают над путями политехнизации обучения, ищут их, заново осмысливают собственную работу. Побольше внимания к их мыслям, к их опыту!

Сплошь и рядом сейчас педагог не может ответить на вопрос ученика, касающийся современной техники. Мы не будем останавливаться на том, как сложилось такое положение, что большая часть учителей политехнически безграмотна. Важно сейчас другое — разработать действенные, эффективные меры по повышению политехнической культуры советского учительства. Совершенно ясно, что меры эти должны носить массовый характер. Думается, что одни лишь институты усовершенствования учителей не в силах осуществить массовую подготовку учительства к введению политехнического обучения. Надо найти такую форму, которая охватила бы учебой одновременно десятки тысяч человек. Может быть, это будут курсы при районных отделах народного образования, может быть, семинары, может быть, что-то другое, — вопрос требует серьезного изучения. Но решить его надо в ближайшее время.

И, наконец, последнее. Мы знаем, что в Академии педагогических наук и Министерстве просвещения РСФСР ведется работа по составлению методических руководств, решаются теоретические вопросы политехнического обучения. Но содержание этой работы, ее направление нам не известны.

Трудно себе вообразить, чтобы новые важные меры в области развития техники намечались у нас без широкого участия инженеров и рабочих-новаторов. Но, к нашему великому сожалению, в педагогической науке существует серьезный разрыв между теоретическими «верхами» и широкими массами школьных работников.

Академия и Министерство обязаны постоянно помнить об учителе.

З. ВАРЛАМОВА,
учительница химии 555-й женской школы

В. СКОСЫРЕВ,
учитель физики 50-й мужской школы

А. СКЛЯНКИН,
учитель физики 401-й мужской школы

МОСКВА

РАСПРАВА НА ФОЛИ-СКВЕР

Вчера в центральных газетах было опубликовано сообщение о новой расправе с борцами за мир и демократию в США. По фашистскому «закону Смита» к трем годам тюремного заключения и к денежному штрафу приговорены член Национального комитета компартии Элизабет Флинн, кандидат в члены Национального комитета Петтис Перри, видные работники компартии Александр Биттлман, В. Дж. Джером, Александр Трахтенберг, Уильям Уэйнстоун и Арнольд Джонсон. На два года брошены за решетку Альберт Лэннон, Бетти Ганнет, Луис Вейнсток, Джекоб Майндл и Джордж Блэйк Чарни. К одному году тюрьмы приговорена секретарь комиссии компартии по работе среди женщин Клодия Джонс.

Позорная судебная расправа над тринадцатью борцами за мир происходила в здании так называемого «федерального суда» на площади Фоли-сквер в Нью-Йорке. Фоли-сквер — для всех честных людей мира это давно уже значит: обман, издевательство над разумом и честью, фашизм.

На Фоли-сквер американские фашисты в судейских мантиях учинили в 1949 году гнусную инсценировку суда над одиннадцатью руководителями коммунистической партии США во главе с генеральным секретарем Юджином Деннисом.

Теперь еще тринадцать честных американцев осуждены на тюремное заключение за их любовь к народу.

Вот они перед нами, эти передовые люди Америки, белые и негры. Двенадцать * человек из заснятой на этой

фотографии группы американских коммунистов ныне брошены в тюрьму по приказу Уолл-стрита. Четвертая слева в первом ряду — **Элизабет Флинн,** третий справа во втором ряду — **Петтис Перри.**

Взгляните на их открытые, мужественные, спокойно улыбающиеся лица — это лица честных людей, убежденных в своей правоте. Они знают, что дело настоящих преступников, которые сегодня их судят, безнадежно проиграно.

С тем же спокойным мужеством, которое мы читаем здесь на их лицах, тринадцать американских коммунистов встретили приговор фашистского судилища. «Хотя меня можно упрятать за решетку, — заявила перед вынесением приговора Элизабет Флинн, отдавшая 43 года своей жизни борьбе за дело рабочего класса, — я не могу измениться. Мои мысли останутся свободными, а мои убеждения неизменными. Идеи мира, социализма и свободы не умрут, когда вы пошлете меня в тюрьму... Я горжусь той ролью, которую мы, коммунисты нашей страны, вместе с коммунистами всего мира играем в борьбе за мир... Я спокойно смотрю в лицо будущему, ибо знаю, что мы победим. Мы знаем, что миллионы американцев разделяют нашу ненависть к фашизму и войне и хотят мира».

Николай ПОГОДИН

* В начале процесса, когда был сделан этот снимок, подсудимый Джекоб Майндл был болен. (Ред.).

О СВЯЗИ УЧЕНЫХ... С УЧЕНЫМИ

Выполнение пятого пятилетнего плана в немалой степени зависит от научно-исследовательской работы, в частности, от ее планирования и координации. Но если в различных отраслях народного хозяйства существует четкое планирование в государственном масштабе, то в деле развития науки такого четкого планирования нет. Академии, а также подчиненные различным ведомствам научные и учебные институты не имеют единого четкого плана, координирующего их работу. Нередки случаи, когда над разработкой одной и той же проблемы работает, дублируя друг друга, несколько не связанных между собой центральных научных учреждений. Отсутствие слаженности и точной договоренности особенно резко дает себя знать в краях и областях, где многие научно-исследовательские учреждения слабо связаны и с центральными научно-исследовательскими организациями и между собой.

В Западной Сибири имеется густая сеть научно-исследовательских учреждений — институтов и опытных станций, работающих в области сельского хозяйства.

Однако, несмотря на наличие крупных научных сил, многие важные вопросы развития сельскохозяйственного производства Западной Сибири разрабатываются медленно.

Известно, что от укрепления и развития кормовой базы зависит дальнейший рост животноводства. Изучением естественных сенокосов и пастбищ крупнейшего животноводческого района Западной Сибири — Барабинской лесостепи — на протяжении ряда лет занимались Биологический институт Западно-Сибирского филиала Академии наук, специальная экспедиция Министерства сельского хозяйства, Убинская опытно-мелиоративная станция и т. д. Несколько позже этой работой занялись Сибирский научно-исследовательский институт животноводства и Новосибирский сельскохозяйственный институт. В каждом из этих научных учреждений трудятся над этой проблемой один-два научных работника, причем о ходе работ друг друга они ничего не знают. И вот прошло уже несколько лет, а существенных результатов не видно.

Надо заметить, что научные сотрудники разных институтов работали лишь в одной части Барабинской лесостепи. Даже зоны изучения не были распределены.

Что же помешало всем этим исследователям объединить усилия? По всем данным — принадлежность к разным ведомствам.

Биологический институт, расположенный в Новосибирске, находится в ведении Академии наук СССР, а Сибирский научно-исследовательский институт животноводства и Селекционная станция, разместившиеся в этом же городе, подчинены Министерству сельского хозяйства.

Каждое научно-исследовательское учреждение работает независимо от других. Отчеты о работе посылаются ими порознь в свои вышестоящие учреждения, и те дают свои указания «сверху», тоже независимо друг от друга. В результате — кустарщина, разнобой.

Решением проблемы повышения семенной продуктивности люцерны занимаются только в одном Новосибирске по крайней мере четыре научных учреждения: Биологический институт Западно-Сибирского филиала Академии наук, Селекционная станция, Институт животноводства, Сельскохозяйственный институт. Такой параллелизм не приносит пользы.

В лаборатории агробиологии Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР в течение трех лет разрабатывался метод так называемой пересадочной культуры люцерны. Напряженно работали все сотрудники этой лаборатории. Были израсходованы десятки тысяч рублей.

Когда же стали подводить итоги, то оказалось, что теоретическая основа работы не нова, а сам метод пересадки семенников люцерны не дал ожидаемых результатов. Но главным во всей этой истории было другое. Выяснилось, что лаборатории и не надо было заниматься этим делом, так как точно такую же работу уже провели другие научно-исследовательские учреждения и пришли в свое время к отрицательным результатам.

В Новосибирском сельскохозяйственном институте, находящемся в ведении Министерства высшего образования, разрабатываются вопросы селекции озимой пшеницы. Такая же работа, теми же методами и по существу по той же программе проводится в Новосибирской селекционной станции, находящейся в ведении Министерства сельского хозяйства.

Почему это происходит? Да только потому, что министерства не всегда согласовывают между собой планы научно-исследовательской работы.

Изучением дикорастущих кормовых трав Западной Сибири занимаются Биологический институт, Бийская опытная станция, Центральный сибирский ботанический сад. Все эти учреждения почти одновременно послали на Алтай три экспедиции, основной целью которых были сбор и изучение одних и тех же видов дикорастущих кормовых растений. Израсходованы десятки тысяч рублей, затрачено много сил. А ведь указанную работу с не меньшим успехом мог бы провести, например, один Биологический институт.

Таких примеров много. Жизнь остро ставит вопрос о четком, едином, согласованном плане научных работ.

В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану говорится: «Провести подготовительные работы к строительству оросительных систем для орошения и обводнения земель Кулундинской степи».

Кулундинская степь, расположенная в южной части Западной Сибири,—крупнейший зерновой район, который часто страдает от засухи. Кулундинской проблемой начинают сейчас заниматься многие научно-исследовательские учреждения Западной Сибири. Но единого плана научно-исследовательской работы нет.

Если во-время не направить усилия ученых по единому целостному плану, то не избежать дублирования в работе, не избежать ненужной траты сил и средств.

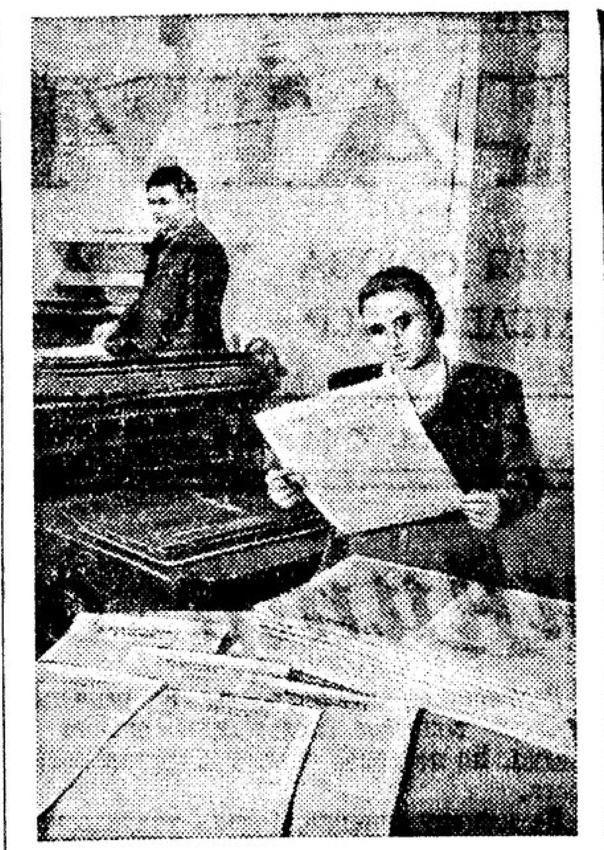
В Западной Сибири согласно директивам XIX съезда партии будут проводиться также большие работы по мелиорации Барабинской низменности и ее сельскохозяйственному освоению.

Барабинская низменность уже привлекла к себе внимание ряда местных научно-исследовательских учреждений. Но ознакомление с их планами показало, что и в этом деле уже имеется параллелизм.

Жизнь настойчиво требует наведения порядка в планировании работ всех научно-исследовательских учреждений, независимо от того, в какой системе они находятся.

Видимо, в наших западносибирских условиях организовать совместную работу всех ученых должен филиал Академии наук СССР. Но его координирующая деятельность будет успешной при условии, если президиум Академии наук и различные министерства наладят связь между собой и преодолеют ведомственную замкнутость своих институтов в Западной Сибири.

С. ГЛУЗДАКОВ,
директор Биологического института Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР

В Новой Каховке издается многотиражная газета строителей Каховского гидроузла «Всенародная стройка». Ее тираж — три тысячи экземпляров. НА СНИМКЕ: в печатном цехе типографии.

Фото А. ФАТЕЕВА

БАСНИ

Жираф и Хорек

К Жирафу на прием пришел Хорек
И доверительно изрек:
— Есть сведенья интимнейшего
свойства!
Готовят критику!
Готовят беспокойства!
Привел бы имена—подслушают, боюсь.
Тут нужно на ухо, сугубо по секрету,
Но до ушей не дотянусь.

Жираф Хорьку ответствовал на это:
— Валяй, шепчи! Для дела
я нагнусь.

Свадьба

Кабан женился в пятый раз,
Молоденькую взяв свинью при этом.
На торжество пришли в вечерний час
Однокорытники
с дарами и приветом.
За тостами хвалили жениха,
Родство характеров,
Душ тонкое единство.
Мол, в этот раз невеста неплоха...

Какая ж тут мораль?
Тут не мораль, а свинство!

Мед и соль

Медведь при ульях службу нес,
Служил лет десять без движенья.
Слоном поставлен был вопрос —
Послать его на повышенье.

Медведя бросили на соль.
Казалось бы, почетно место —
Директор соляного треста!
Весьма ответственная роль!

Оклад у Миши больше вдвое,
Он у начальства на виду...
Однако Миша вовсе воет:
— Попал в беду!

Эх, дал я маху, ну и шляпа!
При соли [illegible], изволь;
Ведь соль — не мед: не липнет к
лапам...

Не липнет к лапам — вот в чем соль!

Ефим ЧЕПОВЕЦКИЙ,
Михаил ВИККЕРС

ФЕЛЬЕТОН

Случай в библиотеке

Как и надлежит поступать в делах, связанных с наукой, будем последовательны и абсолютно точны. Будем говорить сухим языком фактов, цитировать документы и лишь в конце позволим себе вывести само собой напрашивающееся заключение.

Кандидат исторических наук А. Ермоленко пришел в Государственную публичную библиотеку Академии наук УССР для чтения книг на предмет научной деятельности.

Пришел не один, с приятелем. И пожелал сдать в гардероб для научных работников на один номер со своей шубой еще и пальто приятеля, — так ему было удобней.

Но работница гардероба Мария Савельевна Ермоленко, однофамилица кандидата наук, усмотрев в этом нарушение правил, отклонила требование своего однофамильца. Кроме того, не помня его в лицо, она попросила кандидата наук показать ей свой читательский билет.

Усмотрев в действиях работницы гардероба подрыв своего научного авторитета, А. Ермоленко пришел в великий гнев и ярость.

Как меру наказания для своей однофамилицы он первоначально проектировал расстреляние,—по счастью, угроза эта осталась лишь на словах. Он обругал нескольких сотрудников библиотеки. Попало при этом и кое-кому из читателей, пытавшихся урезонить разбушевавшегося мужа науки.

Не желая, однако, без всякого следа покинуть поле брани (брани — в буквальном смысле этого слова), А. Ермоленко потребовал напоследок жалобную книгу. И, как подобает беспристрастному историку, жалобу написал обстоятельно и подробно. Инцидент в гардеробе засверкал всеми красками на полутора страницах убористого текста.

Не имея, к сожалению, возможности привести его здесь целиком, ограничимся лишь избранными местами с полным сохранением авторского стиля, орфографии и пунктуации.

Начинает историк издалека: «Давно пользуюсь услугами Государственной публичной библиотеки и привык к корректному и культурному обслуживанию, которым издавна отличается славный **колектив** нашей библиотеки».

Засвидетельствовав таким образом свое давнее знакомство с библиотекой, А. Ермоленко переходит к непосредственному изложению событий:

«На этом хорошем фоне особенно нетерпимыми и дикими являются грубости и **розвязные шельмования**, которыми меня сегодня, т. е. 10-го декабря 1952 г. в 9 час. вечера встретила гардеробщица, обслуживающая посетителей малого научного зала и **фамилию которой никто, на удивление, не знает»**.

Отметив затем, что в гардеробе он был встречен «буквально в штыки», историк повествует далее, что гардеробщица

«...**розвязно** заявила, что нас «всех следует проверять» и «ни в чем нам не доверять» ибо «изза этого можно пострадать» и т. п.

На мое удивление и замечании на каком основании делаются данные оскорбительные для меня тирады, на мое заверение в том, что я не мошенник, чтобы мне не верить, гардеробщица начала меня всячески оскорблять и поносить с помощью сбежавшихся нивесть откуда ее коллег. Последние, **не розбираясь** в чем дело, скопищем ополчились на меня. **Явившись пост-фактум**, они весело взяли **подзащиту** гардеробщицу и всячески силились выставить меня чуть ли не как хулигана».

Вслед за этим А. Ермоленко оживляет описываемую картину наиболее близким для него сравнением и попутно дает общую характеристику места, где «не разбираясь в чем дело, скопищем ополчились на него»:

«Они подняли такой шум и гам, что я не был рад, что зашел в библиотеку, так как мне порой казалось, что я попал на толкучку, а не в святилище и храм книги, **какими** мне до сих пор представлялись наши библиотеки и **какими они в самом деле есть**».

Перо историка живописует также отдельные моменты баталии в вестибюле, из которых явствует, что ему грозила насильственная смерть у гардероба:

«**Розъяренная** толпа сослуживцев гардеробщицы за мои, робко высказаные критические замечания о нетактичном поведении гардеробщицы, буквально угрожала мне самосудом...»

Всего на полутора страничках научного текста 29 орфографических, синтаксических и стилистических ошибок, причем сразу же оговоримся, что трижды встречающееся в нем слово «розъяренный» засчитано нами за одну ошибку.

Таким образом, если бы у работницы гардероба М. Ермоленко и возникли подозрения насчет научной принадлежности своего однофамильца, то они, как видим, не были бы лишены некоторых оснований. В Министерстве просвещения УССР, куда мы обратились за консультацией, нам сообщили, что за изложенное подобным образом сочинение ученику пятого класса поставили бы единицу.

Но как совместить это с дипломом Среднеазиатского государственного университета за номером 73786, выданным в 1942 году в г. Ташкенте на руки А. Ермоленко? В дипломе указывается, что А. Ермоленко в 1938 году поступил и в 1942 году окончил полный курс историко-филологического факультета указанного университета и что с этого момента его специальностью и квалификацией являются... русский язык и русская литература. Да, да! Человек, сделавший на полутора страницах 29 ошибок, дающих ему полное право на активное посещение школы для малограмотных, является, как видим, дипломированным филологом!

Правда, Ермоленко не решился применить свои могучие познания на ниве преподавания русского языка и переквалифицировался затем в историка. Но позволительно задать вопрос: не полезно ли, однако, и историку быть грамотным? И еще один вопрос: только ли в гардеробе так реагирует на критику в свой адрес «розъяренный» кандидат наук?

Впрочем, ответить на этот вопрос легче общественным организациям Института истории Академии наук УССР, где А. Ермоленко состоит в качестве старшего научного сотрудника.

Что касается второй части фельетона, то она уже непосредственно относится к Среднеазиатскому государственному университету, выдавшему А. Ермоленко диплом филолога, а равно и к Ученому совету Украинского института истории и всем другим инстанциям, утвердившим малограмотного человека в ученом звании кандидата исторических наук.

А. ГАЛИНСКИЙ

Растратчики предаются суду

Читатель Н. Пономаренко из Ашхабада прислал в редакцию «Литературной газеты» письмо, в котором подверг резкой критике практику подбора кадров в Туркменской республиканской конторе Главвторсырья и сообщал о растратах.

Проверка подтвердила правильность основных утверждений тов. Пономаренко.

В результате неудовлетворительного руководства Туркменской республиканской конторой Главвторсырья со стороны управляющего конторой тов. Микиртычева план 1952 года по заготовке сырья действительно не выполнен.

Совет Министров Туркменской ССР принял постановление, в котором отмечает, что контора не обеспечила выполнения плана заготовки и отгрузки вторичного сырья в 1952 году. В республиканской и межрайонной конторах Главвторсырья нарушалась финансовая дисциплина. Совет Министров Туркменской ССР наметил меры по устранению недостатков в работе республиканской конторы Главвторсырья и обязал руководство конторой в декадный срок передать в следственные органы материалы на лиц, виновных в хищениях, растратах и недостачах.

Заведующий Небит-Дагским заготовительным пунктом Еганов, заведующий складом Красноводской конторы Кузнецов и управляющий Ташаузской конторой Маткаримов с работы сняты и материалы о них переданы следственным органам.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„ЖИВОПИСНАЯ“ ХАЛТУРА“

В «Литературной газете» 23 октября 1952 г. была напечатана статья «Живописная» халтура», в которой критиковались Художественный фонд СССР и товарищество «Всекохудожник». Эти учреждения под видом предназначенных для массового распространения копий с картин классиков и современных советских художников зачастую выпускают низкопробную халтуру. В статье ставился вопрос об улучшении всего дела распространения живописи. Предполагалось, что заинтересованные организации выработают конкретные меры для установления порядка на этом важном участке нашей культуры.

Полученная редакцией выписка из протокола заседания президиума правления «Всекохудожника» свидетельствует о том, что правление «Всекохудожника» наметило широкий круг мер, направленных к устранению недостатков в работе местных отделений и к улучшению качества живописной продукции. В феврале предполагается созвать совещание председателей художественных советов местных товариществ, обсудить состояние работы местных отделений и утвердить положение о художественных советах товариществ. Разрабатывается проект о введении должности художественных руководителей в крупнейших товариществах.

Однако многие из ответов, полученных редакцией, не намечают, к сожалению, реальных путей к решению важного вопроса, поднятого в статье. Например, руководители художественных мастерских Ставропольского художественного фонда в присланном ими письме, признав справедливой критику, не называют каких бы то ни было реально принятых ими мер.

Председатель правления и директор Художественного фонда СССР В. Максимов сообщает, что Художественный фонд СССР «дал указание всем своим отделениям и художественно-производственным мастерским широко обсудить данную статью на расширенных заседаниях правлений совместно с художественными советами и коллективами художников». Однако меры, которые рекомендует правление Художественного фонда, — укрепление художественных советов и пересмотр работы с целью повышения качества — недостаточно конкретны.

Правление Московского товарищества «Художник», признавая, что в статье своевременно поднят и принципиально верно освещен вопрос о качестве живописных произведений, сообщает, что на складах товарищества находится продукции не на 14 миллионов рублей, как сказано в статье, а только на 11.500 тысяч, причем из них произведения на 8 миллионов рублей «являются реализационными». Правление сообщает, что явного брака есть «всего» на 1.300 тысяч рублей, и ничего не сообщает о том, что же собирается оно конкретно предпринять для того, чтобы художественные произведения не только числились, как пишется в полученном редакцией ответе, «реализационными», но и действительно успешно и по праву могли реализоваться.

Оргкомитет Союза советских художников командировал своего представителя для обследования работы Ставропольского отделения Союза художников и Художественного фонда. В принятом по докладу этого представителя решении секретариат Оргкомитета наметил ряд мер для улучшения работы художников Ставропольского края. Однако в решении секретариата ни слова не сказано о том, какие меры намечает Оргкомитет для перестройки всей системы распространения произведений живописи и для изъятия халтурных копий во всех городах страны. Таким образом, Оргкомитет попытался сузить вопрос, свести его к недостаткам одного отделения. Позиция странная и ничем не оправданная.

Единственным учреждением, хранящим полное молчание по вопросам, затронутым в статье «Живописная» халтура», является Комитет по делам искусств СССР. Между тем решительная борьба против массового распространения ремесленной стряпни и беззастенчивой халтуры под видом произведений искусства — его прямая обязанность.

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Невкусно, долго и неуютно

Большие претензии у многих советских людей к предприятиям общественного питания. Об этом свидетельствуют отклики наших читателей на статью «Почему невкусно?..» («Литературная газета» от 16 декабря 1952 года). В своих рассуждениях и замечаниях авторы писем идут от простой житейской истины — надо упростить хозяйственные заботы в каждой семье, надо разгрузить миллионы советских женщин от лишних и иногда нелегких хлопот дома, на кухне.

«Почему,— пишет читательница **Р. Сидова** (Москва), — не предоставить женщинам возможности, придя домой с работы, переодеться и, взяв детей, пойти в ближайшую столовую (может быть, даже специальную столовую для матери и ребенка), чтобы в спокойной и уютной обстановке пообедать или поужинать. Отдохнув за этот час от работы, мать смогла бы остальную часть вечера посвятить более полезным делам, чем кухня. Какое большое значение это имело бы, например, для дела воспитания детей...»

Что же мешает осуществить это? Что мешает столовой стать действительно постоянным, повседневным помощником советской семьи? Во многих столовых, отвечают читатели, все еще невкусно кормят, долго обслуживают, и нет здесь должного уюта...

Значит, основным и решающим в установлении контакта между общественным питанием и массовым, всенародным потребителем остается вопрос качества работы столовых. В статье «Почему невкусно?..» говорилось, что для дальнейшего улучшения качества общественного питания необходимо покончить с «валовым подходом к потребителю», пересмотреть существующую систему оплаты труда поваров, улучшить подготовку кадров. Эти соображения, судя по откликам, целиком разделяют наши читатели, в частности и работники столовых и ресторанов.

Редакция получила немало писем от старых мастеров-кулинаров.

«Мне, старому повару,— пишет **М. Мельников** из города Щербакова,— просто стыдно за низкое качество нашей работы».

Честь профессиональной марки — вот о чем беспокоятся опытные мастера. «Наши изделия,—считают они,—должны славиться не меньше, чем славились когда-то тестовские расстегаи и филипповские сухари. А ведь не Тестов и не Филиппов готовили их — они выходили из рук мастеров. Надо полюбить потребителя, и тогда он скажет: «Пойду-ка я обедать к повару С. — у него всегда вкусно и выбор большой...»

К сожалению, сказать так потребитель не может уже потому, что повар С., как и многие его товарищи, занят часто не приготовлением пищи, а... сложным учетом сырья, полуфабрикатов, готовой продукции и т. д.

«Шеф-повара сейчас, по сути дела, не работают на производстве — они переквалифицировались в бухгалтеров. Отчетность настолько усложнена, что ей приходится уделять девяносто процентов своего времени и внимания», — пишет из Львова **С. Шкловер.**

Упростить учет, вернуть повара к его непосредственному профессиональному делу — единодушное требование мастеров-кулинаров.

Жалуются повара и на разобщенность в своей работе: каждый трудится на свой страх и риск, ничего не зная ни о передовиках, ни об отстающих. «Среди громадного количества популярных книг и брошюр по различным отраслям знания, — пишет **Н. Кондрашов** из Калининграда,— нет только книг о питании человека».

Назрела, по мнению читателей, необходимость в конференциях и совещаниях потребителей.

«Там, где такие конференции проводятся,— сообщают члены кулинарного совета при отделе торговли Мурманского облисполкома,— например, в Мончегорске, там почти нет жалоб на качество приготовления пищи и обслуживания. Недавно мы провели конкурс на лучшее предприятие общественного питания. Победителем вышла столовая № 1 Мончегорска».

И еще к одному вопросу часто обращаются в письмах повара, да и потребители. Речь идет о специях и приправах. Вкус, питательность многих блюд нередко зависят именно от них, это хорошо известно каждой хозяйке и каждому повару. Однако, судя по многочисленным читательским письмам (**С. Скорбящев, С. Альпин, М. Беляев** и др.), заготавливают специи плохо и, главное, мало. Об этой «мелочи» забыли и в Министерстве торговли и в Министерстве сельского хозяйства.

Тов. **Горьков** из Саратова пишет:

«Министерство торговли и Центросоюз не имеют своей материальной базы для выращивания специй и надеются целиком на министерства сельского хозяйства и совхозов. Но вот уже второй год, как саратовское облсельхозуправление и трест совхозов включают в план посева эти овощи и второй год фактически ничего для нас не выращивают...»

Об этом же пишут **М. Перфилов** и **В. Шишов** из Свердловска: «Для улучшения аромата должны использоваться такие коренья, как петрушка, сельдерей, пастернак. А у нас их не только зимой, но и летом найти невозможно — не любят выращивать их в наших совхозах. Даже хрен некоторые свердловские рестораны завозят из Москвы...»

Большая группа читателей наряду с вопросом «почему невкусно?» ставит и другой вопрос: «почему долго?». Качество обслуживания — вот что волнует и мастера завода **Р. Филина из Улан-Удэ, и инженера М. Шора из Таллина, и читателя А. Ефремова** из Липецка.

Бухгалтер **А. Биллиг** из Николаевской области пишет:

«Если сложить число напрасно потерянных минут ожидания различными людьми, пользующимися столовыми, получится поистине астрономическая цифра попусту растраченного времени».

Правда, виной этому бывает не только плохое, нерасторопное обслуживание: в условиях одновременного обеденного перерыва всех цехов или отделов большого предприятия или учреждения 4—5 официанток, даже при четкой и быстрой работе, не могут успеть обслужить за полчаса-час несколько сот человек. В связи с этим **А. Черников** (Ленинград) предлагает:

«Так как увеличивать штат официанток без предела нельзя, а им приходится особенно напряженно работать только 2—3 часа в день, надо разрешить столовым увеличить количество официанток за счет сокращения рабочего дня каждой из них. Тогда к этому делу легко будет привлечь домашних хозяек».

Приготовление пищи — дело трудоемкое. Вкусно — это, к сожалению, очень часто значит и медленно. К сожалению потому, что наши столовые бедны механизмами.

Вот что рассказывает директор одной из студенческих столовых тов. **Коварская** (Ленинград). В 1936 году, когда она училась в Москве, на одной из фабрик-кухонь курсантам показали много новых интересных механизмов, которые собирались внедрить в общественное питание. Много лет прошло с тех пор, но в столовой, которой заведует тов. Коварская, ничего не изменилось — попрежнему все механическое оборудование состоит из мясорубки и картофелечистки. С горечью делает автор письма вывод: везде техника движется вперед, а в общественном питании застой.

И еще один вопрос поднимают читательские письма: почему неуютно во многих наших буфетах, закусочных, чайных? Почему, зайдя в иную общественную столовую, невольно обращаешь внимание на тусклый полумрак, на серые стены, на аляповатые украшения этих стен? Почему, наконец, так безвкусно здесь сервируют стол? Желание обедающих кушать на свежей скатерти, кушать из красивой, добротной посуды — законно.

В письме группы ленинградских работников питания содержатся предложения, к которым следует прислушаться Министерству торговли СССР:

«Оснащение столовых бельем, посудой, мебелью пущено на самотек... А ведь если организовать производство фирменной стандартной посуды, тщательно продумав ее тип, материал, форму,— какую высокую культуру внесет это мероприятие в работу столовой и какую экономию... Сеть общественного питания является солидным потребителем, ради которого можно приспособить стекольные заводы, фарфоровые, текстильные, швейные и мебельные фабрики страны».

Вопрос этот уже неоднократно ставился перед Министерством торговли СССР, но дело до сих пор с места не сдвинулось.

Надо выпускать из отходов металла недорогие и красивые мелочи для сервировки стола: кольца для салфеток, ножи для сыра, лопаточки для пирожных, судки для приправ — мелочи, которые делают даже вкусную еду «еще вкуснее», как правильно замечает инженер **А. Варшавский** (Одесса). Повар **С. Скорбящев** предлагает шире применять хорошо обожженную и облицованную глиняную посуду.

Как и везде, в общественном питании успех дела решают люди — те, кто готовит, обслуживает и сервирует, и те, кто организует производство, руководит им. Авторы писем приводят много фактов неправильной подготовки и использования молодых специалистов общественного питания.

«На отделении приготовления пищи в Таллинском техникуме советской торговли, — сообщают тт. **Л. Гордеев, А. Маазинг и С. Всевиова**,—нет ни одного преподавателя с высшим образованием по специальным предметам. Да что в техникуме — во всей системе Министерства торговли ЭССР всего два инженера-технолога».

Инженер тов. **Кириллова** (Москва) пишет о «срединном звене», о технике-технологе:

«Такой молодой специалист после полугодовой или годовой стажировки может вполне выполнить работу начальника цеха или заместителя заведующего производством. А что мы видим в действительности? Редкие из окончивших техникумы оседают в системе общественного питания». За примерами ходить недалеко — Московский техникум общественного питания направляет ежегодно в систему Мосглавресторана 20—30 техников, технологов, а в результате один работник со специальным средним образованием приходится там на... сто человек.

Тов. Кириллова объясняет это тем, что «нет заботы о молодых кадрах, нет вечерних и заочных факультетов по технологии изготовления пищи, где люди могли бы продолжать образование без отрыва от производства».

Многие авторы писем считают недостаточным шестимесячный срок, установленный для индивидуально-бригадного обучения поваров.

Крайне плохо обстоит дело с квалификацией руководителей предприятий общественного питания. Многие из них прошли краткосрочный семинар или, в лучшем случае, трехмесячные курсы, остальные не имеют никакой подготовки...

И еще об одном пишут читатели. У людей, которым доверено питание миллионов советских граждан, должны быть чистыми и руки и совесть. Между тем не секрет, что в системе общественного питания часто еще встречаются люди морально нечистоплотные, недобросовестные, деляги и ловкачи, не брезгающие обвешивать и обсчитывать потребителей, подкармливающие за государственный счет своих родственников и знакомых. Вместо того, чтобы препровождать таких «работников» на скамью подсудимых, их часто попросту «перебрасывают» с места на место.

С этим надо повести самую решительную борьбу.

«Одним из важнейших вопросов быта населения является питание»,—справедливо замечает проф. **В. Щипачев** (Иркутск). Он ставит вопрос о рационализации питания.

Кто же несет ответственность за то, что неуютно во многих наших столовых, за то, что там невкусно кормят и долго обслуживают? В письмах читателей — много упреков в адрес Министерства торговли СССР, упреков серьезных и обоснованных. Пожалуй, яснее всего об этом говорит директор московского ресторана «Гранд-Отель» **Г. Рожков:**

«Кто же ведает вопросами общественного питания в стране? Десять главных управлений и шестнадцать республиканских министерств. Нужна ли такая раздробленность? Нет, не нужна. Из трех Главдорресторанов можно безболезненно сделать один. Почему, например, Ленинград обходится без треста показательных ресторанов, а г. Горький не может обойтись?

В областных городах существуют предприятия общественного питания и у местных торгов, и у Главресторана, и у Главвоенторга, и у Главкурортторга, и у главурсов... Нет необходимости доказывать бессмысленность этой путаницы».

Разобщенность и отсутствие организующего центра являются, по мнению автора письма, причиной всех бед.

Некому всерьез позаботиться о кадрах,— если поваров в небольших количествах еще обучают и выпускают, то официантов, людей второй ведущей профессии общественного питания, никто не учит, не готовит, не воспитывает.

В заключение тов. Рожков пишет: «Вношу предложение — собрать Всесоюзное совещание работников общественного питания с вопросом об улучшении работы всей нашей системы». Это предложение выдвигает и автор другого письма — повар **М. Раде** (г. Пушкино, Московской области).

Того же мнения придерживаются и работники Ленглавресторана тт. **С. Ермолаев, В. Семенов** и **В. Вебер**. Подводя итоги совещаний в ленинградских трестах и столовых, на которых обсуждалась статья «Почему невкусно?..», они приходят к выводу:

«Общественное питание в системе Министерства торговли СССР не представляет самостоятельной отрасли. Никто, кроме министра, всем комплексом общественного питания не занимается и никто до конца за его состояние не отвечает. Общественное питание у министерства, как «дитя у семи нянек», — его опекают все отделы министерства, но никто глубоко дела не знает, на предприятиях не бывает. Имеющееся в составе Министерства торговли СССР управление общественного питания выполняет весьма узкие, по существу, инспекторские функции».

По мнению авторов письма, необходим единый центр, который бы по-настоящему руководил общественным питанием в стране. «Я считаю,— пишет Г. Рожков,— что настало время подумать о создании вместо существующего сейчас Управления общественного питания — Министерства общественного питания или, может быть, соответствующего комитета при Совете Министров СССР». А на местах читатели предлагают объединить предприятия общественного питания в систему областных трестов по примеру такого рода главков и трестов в крупных городах.

* * *

Со дня опубликования статьи «Почему невкусно?..» прошло почти два месяца. За это время в редакцию успели притти письма из Молдавии, с Урала, из Заполярья. Нет только откликов из Министерства торговли СССР и Центросоюза, хотя, казалось бы, именно им стоило глубоко поразмыслить над критикой, поразмыслить и ответить.

«Доколе будет молчать Министерство торговли СССР?» — этот вопрос задают работники общественного питания Щелковского района Московской области, собравшиеся, чтобы обсудить статью «Почему невкусно?..».

«Литературная газета» разделяет их недоумение.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

Душевный разговор

В метель, в зимние сумерки поэт вошел в жилой дом Сталинграда, в «дом Павлова», хранящий рубцы и шрамы военных лет, в дом, чтимый народом, овеянный легендой. (Лирический цикл О. Берггольц «На Сталинградской земле». «Знамя» № 1).

Поэт пришел к незнакомым людям.

— Вы от газеты или от райкома?
В наш дом частенько ходят от газет...
И я сказала людям незнакомым:
— Я просто к вам. От сердца. Я поэт.

Поэт пришел «от сердца» и оказался очень нужным незнакомым людям, рядовым сталинградцам, сражавшимся когда-то за Сталинградский тракторный. Завязался общий разговор о прошлом и о будущем, разговор, освещающий жизненные будни особенным светом, окрыляющий их.

Здесь не было гвардейцев обороны,
но мнилось нам,
что общий наш рассказ
о будущем, о буднях Волго-Дона
они ревниво слушают сейчас.

По-человечески легче войти в незнакомый дом с радостью, чем с горем, легче не заметить горестей, трудностей или бед другого человека, чем оценить их и помочь их преодолеть. Поэт сделал то, что труднее,— пришел к людям со своим горем.

Сегодня память мужа моего:
он десять лет назад погиб в блокаду...
И вдруг я рассказала про него.

И вот в квартире, где гвардейцы бились
(тут был КП и пулемет в окне),
приходу моему не удивились,
и женщины обрадовались мне.

Поэт пришел к людям со своим давним горем и воспринял их давнее горе, как свое, и увидел еще не преодоленные трудности быта, понял, что людям «жилось пока сурово». Но стихотворение «В доме Павлова» — стихотворение о счастье, а не о горе. Ведь для советского человека в понятие счастья органически входит борьба за счастье, а не только победа, борьба, в которой победы нужно добиться (она, как известно, не приходит сама), борьба, в которой могут быть и бывают тяжелые утраты, неудачи, поражения. На тяжелые утраты сердце отвечает скорбью. Давняя скорбь живет «бессрочно, немо, глухо, как кровь и как дыханье», живет составной частью огромного человеческого счастья, утверждаемого в нашей стране. И если поэт делает вид, что это не так, что нет у нас ни трудностей быта, ни плохих людей, ни просто человеческого горя,— читателю скучно и утомительно вести разговор с таким поэтом, с таким писателем, ибо с человеком, который говорит неправду, беседовать, в самом деле, и скучно и утомительно. Может быть, именно потому, что мы нередко еще забываем мудрый совет: «Пишите правду!», и летит в адрес нашей поэзии читательский упрек: «Скучно!»

Ольга Берггольц пишет правду. Большая и очевидная правда нашей жизни заключается в том, что одновременно с созиданием великих строек коммунизма происходит упрочение и развитие новых человеческих отношений, коммунистической морали, углубление, расширение, обновление таких вековых понятий, как счастье, любовь, дружба.

Большая и очевидная правда нашей жизни в том, что не только техника — люди меняются, становятся красивее, сердечнее, человечней. Это происходит на каждом заводе, в каждом цехе, и это, наряду с имеющимися еще «острыми углами» человеческих взаимоотношений, обязан видеть писатель, поэт, инженер человеческих душ. И не только видеть. Вмешиваться в жизнь, как учит партия, вмешиваться, то есть активно участвовать в утверждении коммунистической морали.

Инженеру, проектирующему новую машину, нужно не только изобразить чертеж на бумаге, а необходимо как бы почувствовать вес и форму каждой детали проекта. Иначе чертеж может оказаться совершенно не соответствующим требованиям жизни. Писателю, поэту, инженеру человеческих душ, утверждающему в жизни новые понятия счастья, любви, дружбы, нужно самому почувствовать «вес» этих новых понятий. Нужно самому уметь так любить, так дружить, так понимать счастье, как того требует от нас жизнь, окружающая нас действительность.

В лучших стихах цикла «На Сталинградской земле» самое ценное—ясно ощутимая борьба поэта за утверждение новой человеческой морали. Вот стихотворение о прославленном волжском буксире, флагмане, в одиночку принявшем бой и затонувшем в дни гражданской войны, а потом поднятом со дна и ставшем на обычную трудовую вахту:

Дышит Родина трудом и миром,
и по милой Волге вверх и вниз
девятнадцать лет простым буксиром
ходит-ходит «Ваня-коммунист».
Тянет грузы — все, что поручают,
работящ, прилежен, голосист...
Люди понемножку забывают,
чем он славен — «Ваня-коммунист».
Только взглянут — что за пароходик?
С виду старомоден, неказист.
Точно все еще в кожанке ходит
бывший флагман «Ваня-коммунист».

Он живет, не тужит, воду роет,
многих непрославленных скромней...

В этом стихотворении — и кусок истории, славной истории Сталинграда, и утверждение того, что сам поэт считает подлинным счастьем скромный, внешне далеко не эффектный труд на благо народа. И читатель не только «вздохнет» над этим стихотворением. Читатель, у которого «Ваня-коммунист» — пароход и человек,— как сказал бы Владимир Маяковский,— завоевал большую любовь, прочитав стихотворение, сам станет красивей, благородней, богаче, ибо стихи эти учат любви к людям, а любовь делает каждого человека и красивей, и благородней, и богаче.

В шутливом стихотворении «Случай в степи» описывается «день слияния двух великих русских рек». В степь приехал самосвал, рабочие стали высаживать молодой лес на будущем берегу Волго-Донского канала. Но в это время в степи спал, умаявшись, закончивший свой труд молодой волгодонец.

И сказал озеленитель:
— Пусть подремлет, ничего!
Потихоньку обсадите
крупным ясенем его.
Пусть полянка небольшая
будет здесь, где парень спит.
Это даже улучшает
молодого леса вид.

Веселое стихотворение о рабочем дне Волго-Дона является в то же время стихотворением о светлых, сердечных отношениях между людьми, возникающих в процессе великого коллективного труда.

В общем труде, в напряженной борьбе рождаются дружба и любовь, рождается новый критерий ценности этих чувств. Любовь достойна называться любовью, если она помогает человеку творить, созидать, трудиться. Так чувствует советский человек, строитель коммунизма. Он не делит свою жизнь на две части: утром — работа, так сказать, «производственный цикл», а после работы — дружба и любовь, так сказать, «лирический цикл». Любовь помогает трудиться, а труд, творчество, созидание бесконечно расширяют границы любви. И хорошо, что Ольга Берггольц сказала об этом в стихах:

...как любовь, беспощадным становится
труд.

И грохочет, грохочет земля в темноте,
так рождается русло для новой реки,
и багровые звезды
стоят в высоте,
намечая дорогу суровой мечте,
повинуясь движениям верной руки.

Здесь пройдет, оживляя пустыню, волна.
Это все про любовь. Это только она.

Но почему иные стихи о любви, в которых есть хорошие строки, в частности, второе стихотворение «Из писем с дороги», выглядят инородными в цикле «На Сталинградской земле»?

Пускай эти слезы и это удушье,
пусть хлещут упреки,
как ветки в ненастье.
Страшней — всепрощенье. Страшней —
равнодушье.
Любовь не прощает.
И все это — счастье.

Конечно, там, где равнодушие, — там уже нет любви. Но, между прочим, в таком случае не помогут ни слезы, ни упреки. А когда нет равнодушия, а есть любовь, проходящая через какие-то испытания, то, может быть, все-таки можно обойтись без слез и «хлещущих, как ветки в ненастье», упреков? Любви нельзя требовать. Но за нее можно бороться, ее можно завоевать.

Бывает трудная любовь, тяжелые переживания,— не всегда все просто и ясно в жизни. Не всегда и не во всем легко разобраться. Но о самых сложных чувствах надо стремиться рассказать просто и ясно. Трудное и тяжелое — это не обязательно невнятное, запутанное, сумбурное. Но в стихах о любви («Из писем с дороги») кажется, будто человек, поэт, вошел к вам в дом из вьюжной степи и заговорил, не успев перевести дыхание, перехваченное ветром. Куда там до точности слов и выражений!

Прости меня, друг мой. Что было, то было.
Мне страшно...
И все-таки все это — счастье.

При всей симпатии, которую поэт успел завоевать у читателя некоторыми предыдущими стихами цикла, читатель все же недоумевает: почему же этому хорошему поэту, заговорившему с ним от сердца, душевно, почему ему страшно? Что на сердце у поэта? И в стихах о любви, и в стихотворении «Балка Солянка» это понять трудно. Можно только догадываться, что на сердце у поэта, как говорится, смутно, тяжело. Разговор поэта с читателем ведется в этих стихах сумбурно: чувства и мысли то мчатся потоком, то прерываются. Сумбур чувств ведет к неточности слов, к бедности самого стиха:

А может быть, люди в слезах горевали
о светлой, о доброй, несущей прохладу;
над высохшим руслом ее вспоминали,
простую, бесценную давнюю радость.

Но лучшие стихи О. Берггольц — «Побратимы», «Песня о «Ване-коммунисте», «В доме Павлова» и др. — свидетельство того, что поэт, говоря о жизни, о любви, умеет находить ясные, точные образы и слова.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Из деревянного ружья...

В первом номере «Звезды» за январь 1953 года появился новый раздел — «Сатира».

«Очень хорошо, — думает читатель, — что редакция предоставила страницы своего журнала этому жанру. Своевременно».

Но вот читатель входит в этот раздел, и сейчас же его охватывает чувство удивления и разочарования: он думал войти в арсенал боевого оружия, а попал в детский магазин, где вместо грозного, заправдашного автомата — деревянное ружье, стреляющее пробкой. Да и пробка привязана к ружью тесемкой, чтобы кого-либо случайно не задеть... И мишени, по которым идет стрельба, не живые люди — враги, а бутафорские фигуры, выпиленные лобзиком из фанеры.

Раздел открывается рассказом Мих. Левитина «Специфичники». Писатель Семен Багетов написал хороший роман. И вот к нему в дом нагрянули «специфичники»: модно одетый Корнелий Морицович Тигров, «гладкий, как отполированная палка», шепелявый старик Младенцев, «штатный кинорайотник», безвременно облысевший шумный молодой человек...—автор и постановщик детских радиоспектаклей», «знаток музыкальной специфики либреттист Григорий Валяев». И писатель безропотно отдал свое произведение в руки каждого из них. В результате — плохая опера, плохой киносценарий и детская радиопередача со звуками «сильной молочной струи, ударяющейся о стенки нового оцинкованного ведра» и мычанием коров, так напугавшим мальчика, слушавшего передачу, что «малыш до сих пор с повышенной температурой лежит!»

Мих. Левитин хотел высмеять «специфичников» — халтурщиков и драмоделов. Но как он ни старался, изощряясь в остроумии, халтурщики и драмоделы, существующие в самой жизни, оказались невысмеянными, ибо вряд ли реальные образы их имеют что-либо общее с бутафорскими фигурами, нарисованными автором. Потому и вывод рассказа — «от этих «специфичников» редко кто убережется...» — оказывается неправильным: ведь уберечься от таких легко распознаваемых проходимцев на самом-то деле не так уж трудно. Опасные в жизни личности, они вдруг стали в рассказе — вопреки задаче автора — вовсе ничем и никому не угрожающими.

Сатирического рассказа не получилось. Вместо того, чтобы показать существующий в жизни отрицательный персонаж во всей его сложности, сделать его типическим, сознательно преувеличить, как этого требовал от автора жанр сатиры, Мих. Левитин, может быть, и бессознательно, но преуменьшил, опростил этот персонаж.

Кроме этого рассказа, в разделе сатиры напечатаны две басни Эдуарда Волосевича (в переводе с белорусского Бориса Тимофеева). Но, к сожалению, они — пример посредственных, бесцветных произведений.

Да, собственно, басен в подлинном смысле этого понятия здесь и нет. В басне «Флюгер» ничего не происходит. Автор просто сообщает, что существует-де на свете флюгер, приходящий в движение от ветра, и что есть вот и люди — болтуны, такие, как флюгер: как подует ветер, так они и «вертятся». Вот и все... В этой басне и флюгер и болтун — в равной мере понятия отвлеченные. И получается, что некоего очень абстрактного болтуна автор попросту «обозвал» неким, не менее абстрактным флюгером. Флюгер, сам не наделенный автором конкретными человеческими чертами, оказывается бессильным открыть какие бы то ни было новые черты и в образе болтуна, которого собирался высмеять баснописец.

Другая басня, «Самородок», также не отличается ни глубиной, ни ясностью мысли. Все то, о чем можно было сказать в трех словах, для чего-то растянуто до размеров целой басни, скучной и неинтересной.

Сатира — сильное и грозное оружие. К сожалению, то, что напечатано в первом номере «Звезды», напоминает витрину, где разложены деревянные ружья — подкрашенные, подделанные под настоящие. Но как бы они ни были похожи на настоящие, они не стреляют.

Николай ДОРИЗО

Первый албанский цветной фильм

Скоро на экранах столицы будет демонстрироваться цветной документальный фильм «Албания». Перед зрителями предстанет величественная красота страны «горных орлов», вся многообразная жизнь вольнолюбивого албанского народа, вступившего на путь строительства новой, счастливой жизни.

Фильм «Албания» снимался летом 1952 года группой советских кинороботников совместно с молодыми албанскими кинематографистами. Это первый цветной фильм, созданный в Албании.

— До прихода народной власти, как известно, в Албании не было своей национальной кинематографии,— заявил автор и режиссер фильма И. Копалин.— Начало развития албанской кинематографии было положено в 1948 году, когда группа советских киноработников приступила к съемке документального фильма «Новая Албания». Активно помогавшие им при съемках албанские товарищи прибыли затем в Советский Союз и в течение двух лет изучали у нас основы киномастерства.

В 1949 году по проекту советских архитекторов на окраине Тираны началось сооружение первой албанской киностудии. В июле 1952 года она вступила в строй. Студия оборудована новейшей аппаратурой и машинами, изготовленными на советских заводах. Открытие студии совпало с окончанием учебы в СССР основной группы албанских киноработников.

Прошлым летом в день открытия киностудии они продемонстрировали свою первую самостоятельную работу — номер киножурнала «Новая Албания». С тех пор киностудия выпустила пять номеров киножурнала и несколько короткометражных фильмов. Среди них: «Сердечная встреча» — о поездке руководителей правительства в северные районы страны, «Фестиваль народного творчества», «Второй конгресс Албанской партии труда» и другие.

Зрелое мастерство продемонстрировали молодые албанские кинематографисты, участвовавшие в работе над созданием цветного документального фильма «Албания». В первую очередь отмечу режиссера фильма Эндри Кеко и оператора Яни Нано. Автором текста фильма является молодой поэт Лазар Силичи. Фильм иллюстрирован музыкой из произведений албанских композиторов.

Албанская печать уделяет много внимания развитию отечественной кинематографии, отмечая при этом большую дружескую помощь, оказываемую Советской страной.

За последние годы появилось много литературных произведений, написанных в различных жанрах, но одинаково заканчивающихся свадьбой или примирением героя и героини.

(Из газет)

— Горько!

Рис. И. СЕМЕНОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ЛАТВИИ

ТРИЛОГИЯ А. УПИТА

Латгосиздат выпустил на русском языке однотомник А. Упита «Робежниеки». Это трилогия, объединяющая три романа: «Новые истоки», «В шелковой паутине» и «Северный ветер». Книга издана в переводе А. Дукура и М. Шуман. В книжные магазины поступило и новое произведение А. Упита — «Просвет в тучах», переведенное на русский язык Н. Задорновым и Л. Пажэ.

ТВОРЧЕСКОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Недавно на издательском совете Латгосиздата был обсужден новый роман Ж. Гривы «Путь жизни». С анализом романа выступил писатель В. Берце, отметивший, что новое произведение свидетельствует о творческом росте Ж. Гривы. В романе показана борьба латышского народа против немецко-фашистских оккупантов в начале Великой Отечественной войны.

Участники обсуждения дали положительную оценку роману, высказав вместе с тем и критические замечания.

АЛЬМАНАХ МОЛОДЫХ

При ССП Латвии работает секция молодых авторов. Лучшие их произведения вошли в недавно изданный «Альманах молодых авторов». Ведущая тема творчества Я. Силазарса, О. Вацнетиса, В. Руя и других — строительство новой жизни в Латвии, борьба латышского народа за мир. В словах, идущих от сердца, выражают молодые поэты свою горячую любовь к великому Сталину.

Следует, однако, сказать, что поспешность, с которой был выпущен альманах, отразилась на его качестве. В него вошли некоторые слабые, плохо отредактированные произведения начинающих писателей.

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Звайгзне» («Звезда») — так называется общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал, издающийся в республике. Его редколлегия совместно с библиотечным советом клуба завода «ВЭФ» организовала недавно на заводе конференцию читателей.

Участники конференции говорили о том, что журнал недостаточно ярко показывает современную жизнь Латвии, не публикует сатирических произведений, слабо освещает театральную жизнь.

Читатели указывали, что редакция должна требовательнее относиться и к оформлению журнала.

В. ЕЛИСЕЕВА,
корр. «Литературной газеты»

РИГА. (По телефону)

Чествование М. М. Пришвина

5 февраля литературная общественность Москвы чествовала одного из старейших советских писателей Михаила Михайловича Пришвина в связи с 80-летием со дня его рождения.

Вечер в Центральном Доме литераторов открыл В. Катаев, который приветствовал юбиляра от имени президиума Союза советских писателей СССР. И. Арамилев во вступительном слове охарактеризовал оптимистическое и жизнерадостное творчество писателя. Великий труженик, М. М. Пришвин служит своим творчеством людям труда. Книги Пришвина пользуются большой любовью у нас и за рубежом.

От родной Орловщины тепло приветствовал юбиляра И. Новиков, который пожелал писателю доброго пути в дальнейшем творчестве. С приветствиями выступили также В. Лидин, П. Чагин, Т. Семушкин, С. Смирнов и другие, которые пожелали юбиляру творческих успехов.

На имя юбиляра поступили многочисленные поздравительные телеграммы.

В заключение вечера выступил М. Пришвин.

Сельские литературные кружки

БАРНАУЛ. (Наш корр.). В далеком таежном селе Тогул работает литературный кружок, объединяющий группу молодых авторов. Многие их произведения хорошо известны в Сибири. А. Махов напечатал в алтайских изданиях более пятидесяти стихотворений, Г. Автоманов — ряд критико-библиографических статей. Почти весь тираж книги повестей и рассказов Н. Чебаевского «Полный вперед!» разошелся в два-три месяца.

Таких сельских литературных кружков на Алтае несколько. Член кружка при колхозе имени Жданова Каменского района колхозник Василий Овчинников опубликовал недавно в альманахе «Алтай» цикл стихотворений «В моем колхозе»; член этого же кружка учительница А. Голенкова издала книгу рассказов для детей — «Маленькие тайны».

САТИРУ—НА ЭСТРАДУ!

Н. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Люди, посвятившие свою жизнь работе в области сатиры, испытывают громадный прилив сил и энергии. Все, кто, вольно или невольно притуплял остроту обличения, препятствовал развитию сатиры во всех жанрах, получили ясную отповедь.

«Неправильно было бы думать, — указал тов. Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде партии, — что наша советская действительность не даёт материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнём сатиры выжигали бы из жизни всё отрицательное, прогнившее, омертвевшее, всё то, что тормозит движение вперёд».

Так со всей силой подчеркнута воспитательная роль, положительное значение, польза сатиры. Задача литераторов — создать произведения, достойные такого высокого предназначения.

У советских драматургов-сатириков — множество трибун: большое количество профессиональных театров и неисчислимые коллективы самодеятельности, радио, телевидение, наконец, кино. Но есть еще одна трибуна, которая почему-то заслужила пренебрежительное отношение писателей, в особенности драматургов. Это—эстрада.

А между тем на эстраде первым и самым значительным элементом является слово. Фельетонисты, рассказчики, куплетисты, чтецы, конферансье, исполнители маленьких пьес-интермедий, певцы и певицы — все это и есть эстрада. Она — искусство массовое, мобильное, любимое народом.

Но там, где на первом месте слово, первое место должен занимать драматург, писатель, поэт. К сожалению, такую незыблемую истину сегодня еще приходится доказывать и писателям, недооценивающим этот вид искусства, и руководству эстрадой, и ее актерам, которые порой не понимают, что без помощи писателя они вообще не смогут существовать.

Процессы, происходящие на нашей эстраде, теснейшим образом связаны с литературой. Советская эстрада отражает те успехи и недостатки, которые присущи советской литературе в целом.

Почему сегодня на эстраде процветает жанр художественного чтения? Да потому, что в советской литературе повести, романы, стихи и поэмы обильно представлены превосходными образцами. Это и приносит чтецам крупные успехи и победы. Артисты, читающие на эстраде новые советские сатирические басни, пользуются также большим успехом у слушателей. Объясняется это тоже тем, что в жанре сатирической басни у советских поэтов-сатириков есть известные достижения.

Совсем иначе обстоит дело с таким боевым жанром, как сатирические куплеты. Отставание этого жанра на эстраде объясняется тем, что он вовсе отсутствует в литературе. Отсутствует не только как «репертуар для эстрадников», но прежде всего как форма творчества писателей-сатириков.

Когда-то Василий Курочкин, классический представитель сатирического куплета в русской литературе прошлого, избрал такую форму для своего творчества потому, что куплет легок, певуч, быстро запоминается. Эти качества делают его популярным, звонким, острым, летучим. Он прилипает к тому, кого разит, он сопровождает его, жалит, уничтожает! Именно поэтому писатель-сатирик В. Курочкин избрал жанр куплета для своих литературных выступлений. И только после того, как эти куплеты стали явлением литературы, они пришли на эстраду в качестве излюбленного репертуара для актеров-исполнителей.

Много лет назад писатель Валентин Катаев написал куплеты «Зайчик-негодяйчик». Написал их отнюдь не как «репертуар для эстрады», а как очередное свое сатирическое произведение, замыслу которого лучше всего соответствовала форма куплета. Но эстрада «подхватила» и сделала популярными эти куплеты, так же как целый ряд куплетов В. Маяковского, Д. Бедного, В. Лебедева-Кумача, А. Безыменского и других советских поэтов. Дела на эстраде с куплетами были значительно веселей!

Почти то же самое можно сказать и о сатирическом фельетоне. Процветает ли этот жанр сегодня в советской литературе? Думается, что нет. У нас распространен— и это очень хорошо — газетный фельетон, обличающий отрицательные факты, отдельные отрицательные явления. Газетный фельетон — важное средство борьбы с пережитками прошлого, но такая форма, к сожалению, мало пригодна для исполнения с эстрады, и только в редких случаях подобные фельетоны становятся эстрадным репертуаром.

Есть другая форма сатирического фельетона, форма, созданная в свое время русскими революционными демократами: Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым и другими. Взяв какое-нибудь частное явление, как исходный пункт для построения фельетона, они переходили затем к широкому обобщению, непременно огромного общественно-политического значения.

Именно по такому принципу построены и фельетоны молодого Горького, выступавшего под псевдонимом Иегудиил Хламида. Вспомните, как по поводу совершенно незначительного события — приезда в Самару на гастроли лилипутов — Горький писал: «Наверное, карлики будут иметь в Самаре колоссальный успех. Всякому любопытно посмотреть на двух людей, еще более маленьких, чем он сам. Самарские люди будут смотреть лилипутов и услаждать себя сообразными случаю размышлениями: — Мы еще что! Конечно, мы люди не крупные, а все-таки бывают живые люди и еще мельче, чем мы».

Так в фельетоне поднималась тема огромного горьковского масштаба — о скуке, серости мещанской жизни, о мертвой, обывательской спячке, с которыми всю жизнь боролся Алексей Максимович.

Здесь, мне кажется, уместно обратить внимание на то, что в списке постоянных сотрудников лучшего, прогрессивного русского сатирического журнала «Искра», издававшегося в 1859 — 1873 годах, можно найти следующие имена: А. Герцен, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский, А. Жемчужников, Н. Златовратский, П. Засодимский, В. Крестовский, Бр. Курочкины, М. Михайлов, Н. Некрасов, А. Плещеев, Ф. Решетников, В. Слепцов, А. Толстой, Глеб и Николай Успенские и другие. В литературных сборниках Н. Некрасова, во многом сатирических, помимо самого Некрасова, участвовали В. Белинский, Ф. Достоевский, И. Тургенев, Д. Григорович.

У нас сейчас издается сатирический журнал «Крокодил». Но может ли редакция «Крокодила» назвать в числе своих постоянных сотрудников имена таких мастеров советской литературы, как А. Фадеев, М. Шолохов, А. Твардовский, И. Эренбург, А. Корнейчук, Н. Погодин, В. Катаев и многие другие? Если не считать отдельных редких исключений,— не может.

А когда-то Щедрин писал Некрасову: «В Петербург я, наверное, привезу повесть... Сверх того, быть может, в бытность в Петербурге напишу и фельетон или два...»

Хочется задать вопрос мастерам советской литературы, создающим замечательные большие полотна: а не могут ли они «сверх того» написать «фельетон или два»? Думается, что тогда отставание сатирических жанров в литературе (а, следовательно, и на эстраде!) сразу пошло бы на убыль.

Эстрада—искусство малых форм. Фельетон, куплет, рассказ, интермедия — тоже малые формы большой литературы. Но малые формы — вовсе не значит малые мысли. Поэтому нет никаких оснований мастерам больших форм литературы избегать и пренебрегать малыми.

В одной из своих статей об эстраде Всеволод Вишневский писал: «Нас надо бить за высокомерное отношение к «малым формам».

Дело, отнюдь, не в названиях. В Союзе советских писателей существует секция сатиры и юмора, название которой тоже не очень верное. Ведь сатира и юмор должны быть «первоприсутствующими» не только в одной этой секции, которая, повидимому, должна объединять лишь немногих «специалистов по сатире и юмору». Сатира и юмор жизненно необходимы и драматургам, и поэтам, и прозаикам.

Не своевременно ли Союзу советских писателей организовать «секцию мастеров малых форм литературы»? Советская эстрада и советский цирк вступили бы с ней в такие же взаимоотношения, в каких находятся драматические театры страны с секцией драматургов. Насколько бы это уточнило и укрепило связи литературы с эстрадой!

Однако сегодня это самое массовое из искусств — почти вне поля зрения Союза советских писателей. Откровенно говоря, даже слово «писатель» редко произносится на эстраде. Писателя здесь заменяет «автор текста», а произведения, исполняемые с эстрады, чаще всего называются «текстовым материалом». У эстрадников в почете «специалисты-авторы», якобы знающие таинственную «специфику» эстрадного искусства.

Кстати сказать, эта «специфика» действительно существует. Но она отнюдь не таинственна. Ведь и драматург может иногда написать высокохудожественную, глубокую по содержанию пьесу, но совершенно не сценичную, то есть сделанную без знания и учета ряда непременных условий, при которых театр может осуществить ее постановку. Бывают и, наоборот, очень пустые по содержанию, низкие по литературным достоинствам пьесы, но написанные с таким знанием и учетом «сценичности», что зритель порой поддается эффектам театра и горько обманывается.

Если слово «сценичность» заменить словом «эстрадность», нетрудно понять, что такое специфика эстрады. Произведение, предназначенное для исполнения с эстрады, должно мгновенно вызывать у слушателя смех, гнев, слезы — все, что угодно, только не оставлять его равнодушным. Но появление этих эмоций должно быть непременно соединено с глубокой идейной направленностью, с высоким литературным качеством произведения. Одни голые эмоции, среди которых на первом месте смех ради смеха, вызываемый к тому же «без стеснения в средствах»,— это, к сожалению, и считается сейчас той пресловутой «спецификой», которую освоили некоторые «авторы-текстовики», работающие для эстрады. Разумеется, ничего общего это рукомесло с литературой и ее задачами не имеет!

Слово в устах артиста эстрады — грозное и могучее оружие. «Наша советская литература и искусство, — сказал тов. Г. М. Маленков,— должны смело показывать жизненные противоречия и конфликты, уметь пользоваться оружием критики, как одним из действенных средств воспитания».

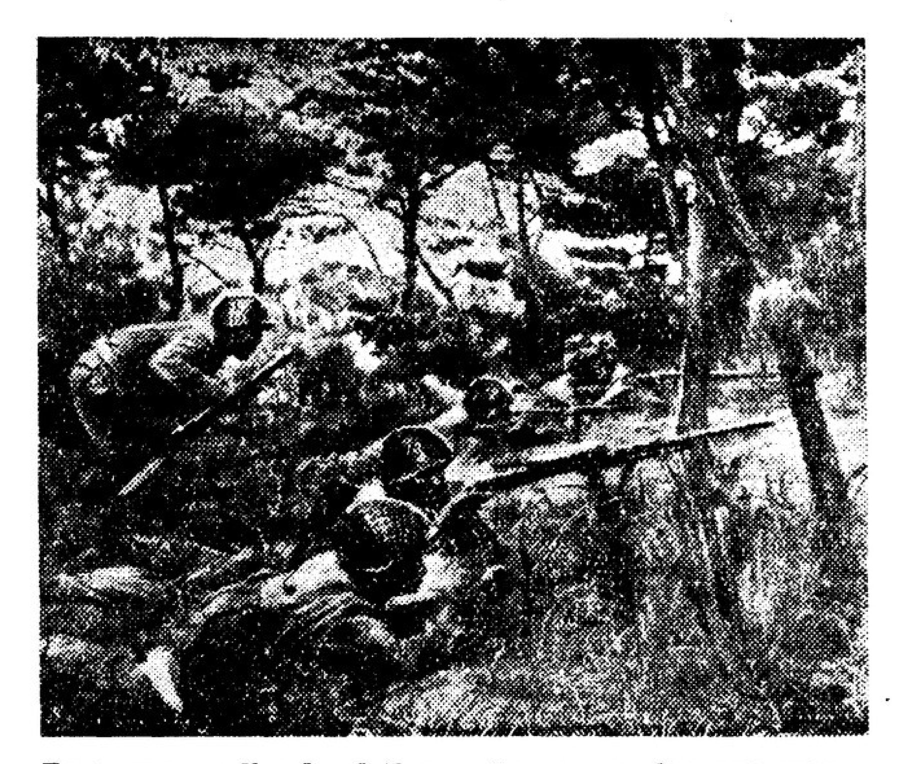
Советская эстрада призвана сыграть немалую роль в выполнении этой благородной задачи. Однако выполнить ее она сможет только с помощью писателей. Писатели должны принять такое же близкое участие в работе эстрады, как драматурги в театре. Только тогда по-настоящему и расцветет это любимое советским народом искусство.

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КИЕВ. В Колонном зале Украинской филармонии состоялся большой литературно-музыкальный вечер на тему «Русская советская литература и ее благотворное влияние на литературу братских республик». Вечер открыл П. Тычина. Доклад о развитии русской советской литературы и ее связях с литературой братских народов сделал А. Софронов. С чтением своих произведений выступили московские писатели С. Васильев, С. Смирнов, Л. Ошанин.

Стихи, посвященные дружбе русского и украинского народов, а также произведения русских советских писателей в переводе на украинский язык прочитали М. Рыльский, П. Воронько, Н. Ушаков и другие.

ГЕРОИ СРАЖАЮЩЕЙСЯ КОРЕИ

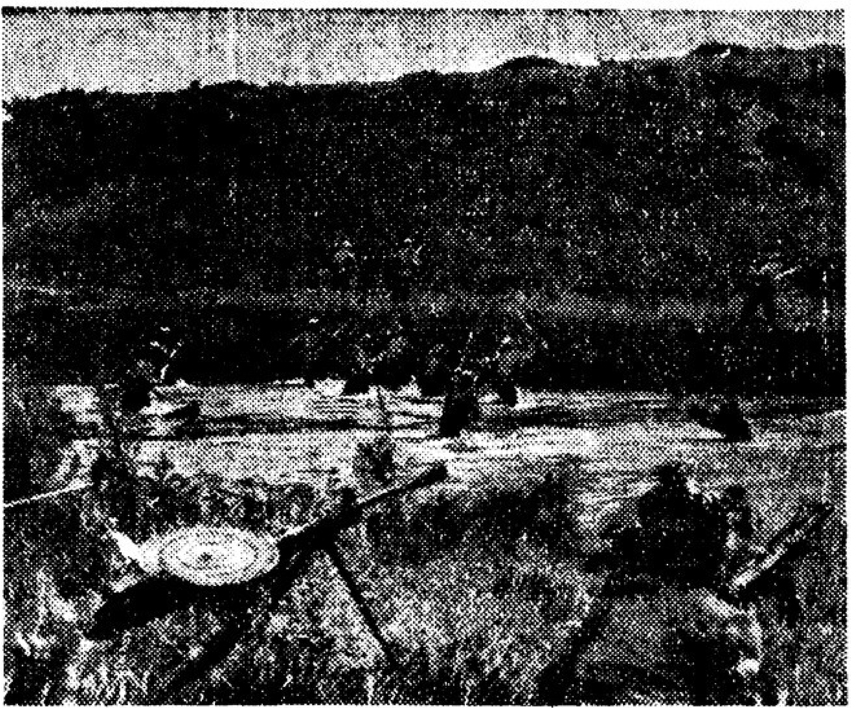

Подразделение Корейской Народной армии на оборонительном рубеже.

Завтра исполняется пять лет со дня основания Корейской Народной армии. Олицетворяя героизм корейского народа, она развеяла миф о всемогуществе США, обрекла на провал все военно-политические планы американских агрессоров в Корее.

«Провал военно-политических планов американского империализма в Корее, — говорит Ким Ир Сен, — свидетельствует о том, что империалистам теперь уже не удается, как прежде, удовлетворять свои аппетиты путем захвата чужих земель, что ныне невозможно поработить народы, познавшие цену свободы, если эти народы решительно борются за свою национальную независимость, опираясь на поддержку лагеря мира и демократии».

Мы публикуем очерки корейского писателя Хо Ун Пэ и советского журналиста В. Латова, рисующие два тактических эпизода — обороны и наступления — боевых действий Корейской Народной армии.

Подразделение под командованием Ким Хан Ука, форсируя реку, атакует врага.

В ОБОРОНЕ

ХО УН ПЭ,
корейский писатель

Высота 983/I. Ее защитники ведут активные оборонительные бои. По-разному называют эту высоту наши бойцы и вражеские солдаты. У нас она — «Героическая высота», у них — «Высота смерти». Это и понятно: не одна сотня американцев сложила здесь свои головы.

Высота входит в систему причудливых Алмазных гор, покрытых густыми лесами. Она и сейчас не потеряла своей красоты, хотя ее острая вершина срезана бомбами и снарядами, а могучие древние сосны и пихты вырваны с корнями. В Корее нет сейчас даже камня, даже дерева, которому война не нанесла бы раны.

Защитники высоты 983/I зарылись глубоко в землю. На этой сопке, как и на всей линии фронта от Желтого до Японского моря, солдаты Ким Ир Сена выполняют наказ своего народа: отстоять родину от врага, отомстить за безвинно погибших матерей, отцов, детей.

Уже сошел утренний туман, солнце поднялось над сопкой. Но в блиндаже, куда я вошел, еще темно. Я увидел подпорки из стволов деревьев с чешуйчатым покровом. На обрубленном пне — превращенная в коптилку гильза снаряда. Солдатская рука украсила ее узором. На стене — портреты Генералиссимуса И. В. Сталина и Верховного Командующего Корейской Народной армии Ким Ир Сена. Эти портреты не напечатаны в типографии и не нарисованы рукой опытного художника на полотне. Это гравюры на древесной коре, с большим умением выполненные здесь же одним из защитников высоты.

В углу блиндажа расположилось несколько солдат. Они недавно вернулись с боевого задания и спят так крепко, что наш громкий разговор не может разбудить их. Они не проснулись и в момент, когда недалеко от блиндажа разорвалась бомба. Их может поднять только негромкий, спокойный голос командира.

В этом блиндаже я познакомился с прославившимся на нашем участке фронта Ким Бен Чером. С отворота его телогрейки свисал на шнурке карандаш. Иногда он брал его левой рукой и с увлечением писал. Правой руки у него не было. Он заносил в свой блокнот счет уничтоженных за день врагов.

Захватывающа боевая биография этого патриота.

В ожесточенном восьмичасовом бою с американцами за высоту 785 Ким Бен Чер был тяжело ранен в правую руку. В полевом госпитале врачи предложили ампутировать ее. Ким Бен Чер категорически отказался. Какой же он солдат без руки! Его демобилизуют, а он не может уйти с боевого поста! Нет, он не уйдет, — таково его непреклонное решение.

Но руку Ким Бен Черу ампутировали, чтобы спасти его жизнь. Когда он пришел в себя после наркоза, им овладело отчаяние: неужели все пропало?!

На соседней койке лежал раненый боец. Он успокаивал Кима, убеждал его не отчаиваться. Народное правительство создало специальные «Школы почетных воинов Народной армии», в которых инвалиды войны могут учиться, получить специальность. Он и сам решил пойти в такую школу.

— Да что ты мне говоришь об этом, — не сказал, а крикнул Ким. — Если эти школы тебе по вкусу, иди туда.

Нагрубив соседу, Ким Бен Чер отвернулся к стене.

Однажды медсестра принесла ему письмо из дому. При чтении лицо Ким Бен Чера залилось краской.

«Чего ты повесил голову, разве можно отчаиваться? — писал ему старший брат. — Разве вздохами можно решить что-нибудь серьезное? Если ты действительно настоящий патриот, то при желании всегда сможешь помочь матери-родине. Найди себе место в строю защитников, да еще более ответственное, чем то, которое ты раньше занимал. Тебе сохранили жизнь, радуйся, что ты полезен и нужен родине. Сообщи подробнее о результатах твоего лечения».

И вот Ким Бен Чер начал действовать. Ему было предписано лежать и не делать лишних движений, чтобы не бередить незаживших ран. А он все чаще ускользал из палаты, выбирая для этого подходящий момент. Когда же его выписывали из госпиталя, Ким Бен Чер заявил, что ему обязательно нужно встретиться с политработником той части, в которой он служил. Политработник был приглашен, и Ким Бен Чер повел его к начальнику госпиталя, находившемуся в это время во дворе.

— Прошу прощения, — сказал солдат доктору, — за доставленное мною госпиталю беспокойство, за нарушение правил. Но у меня были извиняющие причины. — При этих словах Ким снимает с головы шапку, кладет ее на землю и перед пораженными зрителями начинает одной левой рукой быстро и точно разбирать, а затем собирать автомат. Затем Ким Бен Чер повернулся к неизвестно когда подвешенной им на дубке мишени и, быстро прицелившись, выпустил очередь точно в цель.

— Вот видите, — улыбаясь, сказал Ким Бен Чер. — Думаю, вы не будете возражать против того, чтобы я вернулся в свою часть?

С тех пор он снова в строю, снова вместе со своими боевыми друзьями.

...На наблюдательном пункте роты, куда я направился из блиндажа моих новых друзей, было спокойно.

Но вот над сопкой появились вражеские самолеты. Первым летел корректировщик. И тут же на израненную высоту посыпались снаряды.

Американцы стали переносить огонь в глубину, готовясь к атаке. Она началась через несколько минут. С диким ревом американцы полезли на высоту... Вот мы уже можем разглядеть лица озверевших от крови и страха янки: они поглядывают по сторонам, видимо, заранее облюбовывая место укрытия, если придется туго. Каждый из защитников высоты уже наметил себе цель. Мы следим за врагами, затаив дыхание, с нетерпением ожидая команды.

И вот в воздух одна за другой взвились красные ракеты. Заговорили наши пулеметы и автоматы. На врага обрушился шквальный огонь. Янки в панике бегут назад, оставляя на поле боя трупы убитых. Из окопов несется грозное «Мансэ!» — «Ура!», торжественно и могуче звучит величественная песня о любимом главнокомандующем Ким Ир Сене.

Так всегда, когда у наших солдат хорошо на душе, когда они одерживают очередную победу, их радость выливается в песню о вожде.

...Снова начинается вражеский артиллерийский огонь, вокруг нас бушует пламя от сброшенных с самолетов напалмовых бомб, черный, едкий дым ест глаза. Сквозь пламя я вижу вершину соседней вековой горы, подобную символу мужества непокоримых людей моей родины. А в траншеях приготовились к новой, еще более могучей встрече врага непоколебимые солдаты Ким Ир Сена.

Под прикрытием дымовой завесы янки снова идут в атаку. Видимо, им приказано во что бы то ни стало захватить высоту. Вот они уже вплотную подходят к позициям народоармейцев, и тишина пугает их... Но град гранат из наших окопов нарушает тишину. Завязываются яростные рукопашные схватки. И снова янки позорно бегут с поля боя.

Да, для интервентов эта высота действительно стала «высотой смерти».

...На этой высоте, израненной и непокоренной, я испытал всю силу нашей любви к родине, ее свободе и независимости. На этой высоте я увидел частицу великой силы корейского народа, поднявшегося на справедливую борьбу, увидел частицу силы нашей героической армии, празднующей вскоре свое пятилетие.

Отсюда я увидел также и наше завтра, когда, навсегда изгнав врага с земли предков, мы вновь начнем строить свою республику.

Из руин и пепла поднимутся красавцы-города, на полях заколышутся золотистые волны хлебов. И юный кореец и глубокий старик всегда будут помнить о тех, кто отстаивал от врага высоту 983/I, как и другие высоты на всем протяжении фронта от Желтого до Японского моря.

Армия и народ свободолюбивой Кореи непобедимы!

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ, январь.

В НАСТУПЛЕНИИ

Виталий ЛАТОВ

Разыгравшийся с вечера снежный буран забивал хлопьями снега полузасыпанную траншею, хлестал по лицам бойцов. Ветер завывал где-то в вершинах горного хребта Тэбэксан. Спрятав под ватный маскировочный халат автомат, лейтенант Хе Гы Сен молча вглядывался в чуть видные очертания гор.

Уже сутки, почти не двигаясь, лежали в траншее, расположенной в тылу врага, товарищи Хе. Нужно было незаметно пробраться вдоль южного берега замерзшей реки, пересечь овраг, по которому часто ходят американские патрули, а затем взобраться на сопку по голым камням. От успеха его группы зависит успех всей операции. Еще раз внимательно всмотревшись в очертания гор, Хе Гы Сен дал команду: вперед!

Шесть часов сотня бойцов пробивалась сквозь буран, ползла по льду реки, обдирая до крови руки, карабкалась по склону сопки. В полночь вся группа была на вершине Безымянной, левее высоты 565,7.

Буран начал понемногу стихать. Бойцы приступили к разведке огневых средств врага. Высоту 565,7 надо было взять с тыла, в то время как другие части Народной армии ударят с фронта, прорвавшись в брешь, пробитую штурмовой ротой Хе Гы Сена.

Взять высоту 565,7 надо было до рассвета.

Неподвижные, слившиеся со снегом, в белых халатах лежали бойцы на вершине Безымянной. Ветер наметал на них кучки снега, но никто не стряхивал его, враг был всего в пятидесяти метрах.

Через час начали поступать донесения разведчиков. Хе Гы Сен, выслушав короткий рапорт, сам пополз вперед. До врага тридцать метров. Впереди густая сеть проволочных заграждений. Дзоты прикрывали подход к высоте 565,7. Прорваться ударом в лоб нельзя, но приказ командира ясен: высота должна быть взята до рассвета.

И тогда созрел план прорыва круговой обороны врага.

Там, впереди, — дзоты с крупнокалиберными пулеметами. Нужно их уничтожить. Подозвав ефрейтора Ким Сен Чжина, Хе дал ему задание:

— От ваших действий зависит успех нашей роты. Мы верим вашей преданности партии, родине.

Трое саперов во главе с ефрейтором Ким Сен Чжином поползли вперед.

Молча приготовили они гранаты. Первым пополз к заметенным снегом, чуть чернеющим дзотам Ким Сен Чжин.

— Если не замолчат дзоты, замолчу я, — сказал он товарищам. — Тогда действуйте вы. Помните, американские пулеметы должны замолчать, этого ждет вся рота.

Последние тридцать метров позади. Отгребая руками снег, Ким быстро перерезал обледенелую проволоку. Пальцы деревенели. Отогревая их во рту, Ким обрезал последнюю нить.

Еще пять метров. Впереди — две черные, молчащие амбразуры дзотов. Ким Сен Чжин знал, что правый дзот не страшен, — это запасный, не связанный с общей системой обороны. Тихо свалившись в ложбинку, Ким начал пробираться к левому дзоту, где, по данным разведки, были пулеметы. Впереди в снежной завесе стали видны два пританцовывающих на холодном ветру американца. Ким прильнул к земле. Вот один из часовых спрыгнул в траншею и вошел в дзот, второй куда-то пошел. Мог ли янки предположить, что здесь, на высоте, связывающей штаб обороны района с одним из ее узлов, может появиться противник?

Вот, наконец, и дзот. Ким приготовился бросить гранату. И вдруг нога скользнула с уступа. Раздался окрик часового.

Ким бросил гранату в амбразуру. В стихающем грохоте взрыва издалека донесся голос лейтенанта Хе Гы Сена. Штурмовая рота бросилась в атаку. Но тут же «заговорили» пулеметы в амбразуре. Граната не сделала своего дела. Путь атакующим бойцам Хе Гы Сена был все еще закрыт.

— Судьба операции зависит от нас, а рота залегла под огнем, — мелькнуло в голове Кима. Быстро выхватив вторую гранату, он вскочил на уступ скалы, бросился грудью на дуло пулемета и в то же время сунул гранату в амбразуру дзота. Тишина. Потом грохот взрыва в дзоте, и громкое «Мансэ!» возвестило о том, что рота вновь атаковала высоту.

Геройский подвиг Ким Сен Чжина, закрывшего грудью амбразуру американского дзота, обеспечил успех. Противник был уничтожен.

Лейтенант Хе Гы Сен, видевший, как Ким заставил замолчать пулеметы врага, подбежал к дзоту. При свете фонаря он увидел павшего героя. Хе приподнял его тело и посмотрел в лицо. Чуть заметные белые клубы пара поднимались от губ Кима. Он жив! Лейтенант расстегнул ватную куртку и прижался к груди воина: сердце билось. Подбежавшие бойцы помогли перевязать тяжело раненного Кима. Тело его было пробито десятком пуль. Видимо, от острой боли Ким пришел в сознание, прошептал:

— Товарищ командир роты, приказ выполнен: дзот замолчал, — и Ким откинулся на руки боевых друзей.

В эти дни Ким Сен Чжин лежит в одном из госпиталей Народной армии. Врачи говорят: герой будет жив.

Сейчас вся Корея знает о подвиге этого крестьянского юноши. В ряду героев корейского народа, повторивших подвиг русского рядового солдата Александра Матросова, ныне значится имя Ким Сен Чжина.

Это было 9 января 1953 года. Перед боем в ночь на 9 января член Трудовой партии Кореи ефрейтор Ким Сен Чжин дал товарищам клятву: встретить пятую годовщину Народной армии боевым подвигом. Верный сын своего героического народа, он сдержал эту клятву.

Ким Сен Чжин поправляется. — Скорей бы, — говорит он, — хочу снова на фронт, к товарищам.

От края до края, по всему фронту услышали в эти дни доблестные воины Народной армии боевые призывы ЦК Трудовой партии к пятой годовщине вооруженных сил республики. «Солдаты, сержанты, офицеры, генералы Корейской Народной армии, весь корейский народ безгранично любит вас, уважает, доверяет вам судьбу нашей родины, нашего народа, — говорится в одном из призывов, — защищайте родину, уничтожайте врага, оправдайте надежды родины, народа, партии, вождя».

Воины Народной армии, в рядах которой не мало таких героев, как Ким Сен Чжин, с честью оправдают эти надежды.

***

Хотелось бы рассказать также о подвиге охотников за самолетами. Подвиг этот стал широко известен в Корее.

Группа стрелков — охотников за самолетами под командой Хон Сен Хана получила приказ занять боевую позицию у деревушки Бельри. Оборудовав огневые точки на вершине сопки, стрелки приготовились. Хон Сен Хан понимал, что американские убийцы, вчера безнаказанно обстрелявшие работающих в поле крестьян и детей, прилетят сюда снова.

Так и вышло. Через два дня, рано утром в небе показались девять американских самолетов «грумман». Тупорылые, с хищно изогнутыми крыльями, они разделились над деревней на две группы. Вслед за ведущим на сопку спикировал второй самолет. Очередь крупнокалиберного зенитного пулемета Хон Сен Хана отправила его на землю. Третий стервятник при виде пламени разбившегося самолета пытался выйти из пике, чтобы удрать. Но было поздно. Перекрестный огонь двух пулеметов зажег и его.

Остальные воздушные разбойники вильнули за облака. Но на следующее утро над сопкой появилось уже четырнадцать самолетов. Это были «мустанги». Построившись в «карусель», они один за другим бомбили... вырытый ночью ложный окоп с деревянными пулеметами, слегка прикрытые ветвями чучела. Окоп молчал. Это придало смелости янки, и они спустились ниже. Звено пикировало на сопку. Прозвучала команда Хон Сен Хана, и два подбитых «мустанга» врезались в землю. Остальные остервенело обрушили на сопку запасы бомб и напалма, огонь крупнокалиберных пулеметов и пушек. А четыре зенитных пулемета и пять винтовок стрелков-охотников все стреляли и стреляли с вершины высоты. Вот еще два «мустанга» грохнулись наземь. Американцы не выдержали. Бой выиграли отважные корейские патриоты.

Так звено охотников за самолетами Хон Сен Хана отомстило янки за убийство детей и мирных крестьян деревни Бельри.

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ, февраль

СЫНОВЬЯ НАРОДА

СЕ МАН ИР,
корейский поэт

Вновь река на пути... Ни моста, ни дорог у реки.
Тьма черна и густа, и тверда, хоть руби на куски!
Люди молча на север идут, людям трудно итти,
Только гору минули, и снова гора на пути.
Ночь кругом, мгла кругом. В небесах ни звезды,
ни луны,

Но сердца молодые надеждою озарены.
Их на север надежда ведет меж руин опаленной
земли.

Больше тысячи ли позади. Впереди больше
тысячи ли.

Кто они, что идут по звериным тропам в этот час?
В трудный путь кто повел их, кто отдал приказ?
Люди держатся за руки, люди держаться должны,
Чтобы чувствовать руки друзей, чтобы не
соскользнуть с вышины.

Эти юноши с юга страны, из сожженных
поселков и сел,
Месть приказ им дала, гнев в дорогу повел.
Эти люди — рабочие, пахари и рыбаки
Из предместий Тэгу, с берегов Нактонгана-
реки.

В грозный час для отчизны, под звуки пальбы и
дождя,

Патриоты на север идут, чтобы встать под
знамена вождя.

Люди молча на север идут, и шаги их тверды,
Хоть и ноги в худых башмаках и окрашены
кровью следы.

Их на севере встретят друзья, им оружие в руки
дадут...

В тот же час по ущельям на юг северяне идут.
Партизанские тропы ведут патриотов туда,
Где ждет смерть палачей, где на воздух взлетят
поезда,

Хлеб спалили враги на корню, но огню и врагам
вопреки

Не для жатвы, — для мести там точат серпы старики.
Нет, сегодня не север и юг в состоянье войны, —
Против янки, чьи руки от крови корейской
красны,

Бьются честные дети всей нашей страны,
Патриоты Кореи,
Кореи сыны!

Перевел с корейского Н. ГРЕБНЕВ

Международная почта

КАРЬЕРА ЖОРЖА ИЛЭРА

Жорж Илэр, в прошлом министр правительства Виши, был приговорен в 1947 году французским верховным судом к пятилетнему тюремному заключению и пожизненному поражению в правах. Однако он заблаговременно бежал из Франции и провел последние годы отнюдь не в тюремных стенах. Илэр находился в Швейцарии, где в течение пяти лет усердно поправлял свое драгоценное здоровье.

Несомненно, он внимательно следил за деятельностью реакционных французских правительств, сменявшихся все это время с калейдоскопической быстротой. Окончательно убедившись в том, что преследование и заключение в тюрьму в современной Франции угрожает лишь патриотам и сторонникам мира, Илэр решил, что, наконец, час его пробил. Он вернулся в Париж.

Расчеты оправдались. Генеральный прокурор верховного суда, куда явился этот вишист, не счел даже нужным задержать его. Прокурор лишь попросил господина Илэра на всякий случай оставить свой адрес...

У ДВЕРЕЙ ТЮРЬМЫ «ФРЭН»

ПОЛИЦЕЙСКИЙ — ЖОРЖУ ИЛЭРУ: — Не настаивайте, друг мой, проходите мимо!

Рисунок худ. МИТЕЛЬБЕРГА из французской газеты «Юманите»

Однако это не устраивало сподвижника Петэна: формально попрежнему сохранялся в силе мандат на его арест. А Илэр стремился вообще положить конец всей этой «неприятной истории». Если властям неудобно сразу же объявить о его полной реабилитации, то пусть они для начала хоть както узаконят его положение во Франции, рассуждал Илэр. И он явился вторично в верховный суд. Перед лицом такой необычной настойчивости последнему волей-неволей пришлось приступить к соблюдению необходимых формальностей.

Илэр был отправлен в тюрьму «Фрэн» — в ту самую тюрьму, где уже несколько месяцев томятся генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Ален Ле Леап и четыре руководителя Союза республиканской молодежи Франции. Но едва Илэр переступил порог тюрьмы, как тотчас же был отпущен на все четыре стороны. Власти стыдливо назвали это «условным освобождением».

Теперь бывший вишистский министр — предатель своего народа — на свободе. Он спокойно разгуливает по земле, некогда отданной им и ему подобными на поругание гитлеровцам. Кто знает, может быть, он уже готовится войти в состав очередного французского кабинета? Ведь назначен же министром здравоохранения в нынешнем правительстве Рене Мейера вишист Андрэ Бутеми, участвовавший в расправах над французскими патриотами!

«У полиции столько возни с патриотами... Где уж тут арестовывать коллаборационистов!» — с горькой иронией замечает газета «Юманите».

НЕПРИЯТНОЕ СЛОВО

Из сводок с корейского фронта Пентагон (военное ведомство США) решил выкинуть одно очень неприятное слово: **потери.** Решено отменить, упразднить, уничтожить это компрометирующее, раздражающее, омрачающее настроение словообразование. Оно тем более опасно, что любой американец, заглянув в популярный словарь «Фанк энд Уэгналз колледж дикшэнри», может получить исчерпывающее разъяснение: под этим словом подразумевается «солдат, пропавший без вести или выбывший из строя в результате смерти, ранений или взятия в плен»...

А так как в американской армии, действующей в Корее, таких солдат становится все больше и больше, то отныне официальные сводки и отчеты Пентагона не будут пользоваться этим изъятым из военного лексикона словом. Заодно Пентагон решил устранить из своих сообщений еще одну зловещую деталь: еженедельные подсчеты общего числа убитых, раненых и пленных с начала войны.

Как пишет американская газета «Дейли уоркер», сотрудникам отдела печати Пентагона дано задание срочно найти какой-нибудь безобидный синоним для слова «потери» — «более «благозвучный» термин, который должен подсластить горькую пилюлю американских потерь в Корее». Сотрудники потеют, пыхтят, стараются, но пока эрзаца не нашли. Не решаются они вместо четкой фразы «За истекший день потери убитыми и ранеными исчисляются в сто пятьдесят человек» подставить, например, такую формулировку: «За истекший день полтораста человек стали несколько неживыми и немного поврежденными»...

Примечательно, что, прибегая к идиотским трюкам, чтобы одурачить народ и скрыть от него истинные размеры потерь в Корее, Пентагон не постеснялся сообщить о причинах этой словесной эквилибристики, признав, что его мероприятия вызваны тем впечатлением, какое производят сводки на население.

Действительно, протесты против кровавой корейской авантюры слышатся все громче в Соединенных Штатах Америки. Но широкие массы хотят ликвидации не «опасных слов», а опасных действий поджигателей войны с Уолл-стрита.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОПРАВКИ

Как далеко зашло вмешательство США во внутренние дела Англии, можно судить по казусу, случившемуся недавно с английской газетой «Манчестер гардиан». Вот что произошло.

«Манчестер гардиан» опубликовала информационную заметку о встрече английского министра финансов Батлера с представителями промышленности и лидерами Британского конгресса тред-юнионов. Казалось бы, что такая встреча является вопросом сугубо внутренней, а не внешней политики. Увы, нет: внутренние вопросы Англии ныне стали вопросами... внешней политики и объектами контроля со стороны заокеанских боссов. То ли недоглядев, то ли по другим причинам, «Манчестер гардиан» перечислила всех присутствовавших на этом совещании, и получился конфуз превеликий.

Газете пришлось срочно оправдываться, ибо правящим кругам Англии поневоле приходится считаться с тем возмущением, какое вызывает среди населения хозяйничание янки на Британских островах. Опростоволосившиеся редакторы вынуждены были напечатать в очередном номере следующее «исправление текста».

«Совещание в министерстве финансов: во вчерашнем отчете о встрече мистера Батлера с представителями промышленников было указано, что на совещании присутствовали представители США. Это результат ошибки в передаче. Разумеется, на совещании не было никаких представителей США».

Как говорится, оступились... и прямо в лужу!

ПОИСКИ ГАНСА САКСА

Сторонники мира не так давно распространили в Кельне листовку со стихами. В них гневно бичевались люди, не желающие считаться с интересами народа и думающие только о своем кошельке. Под стихами стояла подпись: Ганс Сакс из Нюрнберга.

Бдительное око американских оккупационных властей узрело в этих стихах недопустимый намек на янки. В связи с этим главный прокурор Кельна отдал приказ о конфискации листовок и направил в нюрнбергскую прокуратуру просьбу разыскать автора — злоумышленника Ганса Сакса — и привлечь его к ответственности.

Нюрнбергская прокуратура была готова беспрекословно выполнить «почетное поручение» по искоренению антиамериканской деятельности в Западной Германии, но... с поимкой автора возникли непредвиденные затруднения.

Удалось выяснить, что он был немецким поэтом и притом знаменитым. Удалось выяснить и то, что его перу действительно принадлежали стихи, напечатанные на листовках сторонников мира и вызвавшие недовольство американских властей. Не удалось только отдать его под суд: Ганс Сакс умер за несколько сот лет до того, как его стихи были признаны «подрывными»...

Нелегко приходится немецким поэтам, даже умершим, в западногерманской колонии янки!

Рисунок худ. Л. ГААСА из чехословацкой газеты «Руде право»

Смесъ

Работорговля. Лейборист Соренсен заявил в английской палате общин, что по сей день в Британской империи существует работорговля. Живой товар — негров — вывозят из Уганды и Камеруна и продают в Аравию.

Сборище в пивной. Специальный корреспондент английской газеты «Дейли мейл» побывал на собрании фашистов, происходившем на днях в пивной в британском секторе Берлина. То, что он там увидел, не является чем-либо исключительным — в Западной Германии такие сборища не редкость. Тем не менее его корреспонденция — еще одно свидетельство возрождения немецкого фашизма. Все происходило «совсем как в начальный период деятельности Гитлера», — пишет журналист. 250 бывших солдат топали ногами и орали, протестуя против раскрытия нацистского заговора в Западной Германии. «Ораторы повторяли любимый лозунг фюрера — «Мы должны итти к новому тысячелетнему рейху». Собрание закончилось неописуемым беспорядком...

Западноберлинская полиция, прибывшая на нескольких грузовиках, патрулировала возле пивной, вероятно, для того, чтобы никто не помешал ораторствовать эсэсовцам.

Янки в Греции. Как сообщает греческая газета «Элефтерия», персонал американской миссии в Афинах так многочисленен, что имена членов этой миссии занимают 92 страницы в телефонной книге. «В Греции, как и в остальных странах, — пишет газета, — дружба с американцами — редкое явление, а общение с ними вызывает у людей презрение и отвращение».

Запрещение и наказание. Районный уполномоченный охотничьего управления в Вольфенбюттеле (английская зона оккупации Западной Германии) осмелился не разрешить офицерам английского лейб-гвардейского полка, расположенного в этой местности, охоту с применением браконьерских методов истребления дичи. И тотчас же был наказан. «Охотники» осадили резиденцию строптивого немецкого чиновника и до тех пор обстреливали ее зажигательными снарядами, пока она не загорелась.

Командир английской части, к которому обратился с жалобой пострадавший, заявил, что его подчиненные отметили таким образом «годовщину битвы при Гастингсе»...

Грустный итог. В 1951 году потребление мяса в Америке упало до самой низкой цифры за все прошлое десятилетие, — пишет американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн», основываясь на данных министерства земледелия США.

На сколько снизилось потребление все дорожавшего и дорожавшего мяса в 1952 году, министерство земледелия США еще не подсчитало.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01210.